
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Друг-читатель, погляди-ка
в этот майский солнцевей,
как хранит в себе гвоздика
алый цвет страны твоей.
С ПРАЗДНИКОМ 1 МАЯ!

СЛАВА ДОБЛЕСТНЫМ СОВЕТСКИМ КОСМОНАВТАМ!

С ЗАВЕРШЕНИЕМ ПОЛЕТА!

Ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим, всем коллективам и организациям, участвовавшим в подготовке и осуществлении орбитального полета космического корабля «Союз-10»

Советским космонавтам, товарищам ШАТАЛОВУ Владимиру Александровичу, ЕЛИСЕЕВУ Алексею Станиславовичу, РУКАВИШНИКОВУ Николаю Николаевичу

Дорогие товарищи!

В соответствии с программой освоения космического пространства в Советском Союзе завершен орбитальный полет пилотируемого космического корабля «Союз-10». Во время этого полета проведены научно-технические эксперименты и исследования, являющиеся началом работ с орбитальной научной станцией «Салют».

Новый этап в освоении космического пространства — программа работы орбитальной научной станции «Салют» начала осуществляться в год XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза, который разработал величественные планы дальнейшего мощного подъема социалистической экономики, укрепления могущества Советского государства, повышения жизненного и культурного уровня нашего народа.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи Шаталов Владимир Александрович, Елисеев Алексей Станиславович и Рукавишников Николай Николаевич, с завершением космического полета.

Горячо поздравляем ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, всех советских людей, участвовавших в подготовке и осуществлении полета космического корабля «Союз-10», и желаем им новых успехов на благо нашей Родины.

Центральный Комитет КПСС — **Президиум Верховного Совета СССР** — **Совет Министров СССР**

ГОТОВЫ ВЫПОЛНИТЬ НОВЫЕ ЗАДАНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР

Докладываем:

25 апреля 1971 года после выполнения программы полета космический корабль «Союз-10» совершил посадку в заданном районе Советского Союза.

Проведены эксперименты по проверке усовершенствованных бортовых систем, стыковки корабля с орбитальной научной станцией «Салют», а также комплекс научных исследований. Наш полет является этапом общей программы работ с орбитальной научной станцией «Салют».

Горячо благодарим ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР за оказанное доверие по осуществлению космического полета.

Экипаж чувствует себя хорошо, готовы к выполнению новых заданий.

Командир корабля «Союз-10» полковник В. А. ШАТАЛОВ.
Бортинженер А. С. ЕЛИСЕЕВ.
Инженер-испытатель Н. Н. РУКАВИШНИКОВ.

◀ **Экипаж космического корабля «Союз-10»** (справа налево): **командир В. А. Шаталов, инженер-испытатель Н. Н. Рукавишников, бортинженер А. С. Елисеев на Красной площади.**

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Основан 1 апреля 1923 года

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 18 (2287)

1 МАЯ 1971

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступает с речью на X съезде Болгарской коммунистической партии.

ЯСНЫЙ ПУТЬ

Братские чувства, которые питают болгарские коммунисты, все трудящиеся народной Болгарии к партии Ленина, к Советскому Союзу, нашли яркое выражение во время выступления на X съезде Болгарской коммунистической партии главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Его слова: «Нерасторжимая боевая дружба советских и болгарских коммунистов была, есть и будет прочным звеном общего фронта социалистических стран, общего фронта революционных сил»,— были встречены бурными, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И Брежнев передал в президиум приветствие Центрального Комитета КПСС X съезду Болгарской коммунистической партии.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев передал Первому секретарю ЦК БКП Тодору Живкову в дар от Центрального Комитета КПСС съезду скульптурный портрет В. И. Ленина, выполненный в бронзе народным художником РСФСР Л. Е. Кербелем.

Съезд единодушно принял программу Болгарской коммунистической партии, директивы на новую пятилетку и резолюцию по Отчетному докладу ЦК БКП, избрал руководящие органы партии.

В заключительной речи Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии Тодор Живков отметил, что X съезд войдет в историю Болгарской коммунистической партии и всего болгарского народа как съезд, принявший Программу партии и уверенной рукой начертавший ясный путь строительства развитого социалистического общества в Народной Республике Болгарии.

В зале заседаний съезда.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 101-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Отметить славную дату собрались представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций Москвы, новаторы столичных предприятий, труженики Подмосковья, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, деятели науки и искусства. Присутствуют иностранные дипломаты, советские и зарубежные корреспонденты.

В президиуме встреченные горячими аплодисментами товарищи Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, М. С. Соломенцев.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии тов. В. В. Гришин.

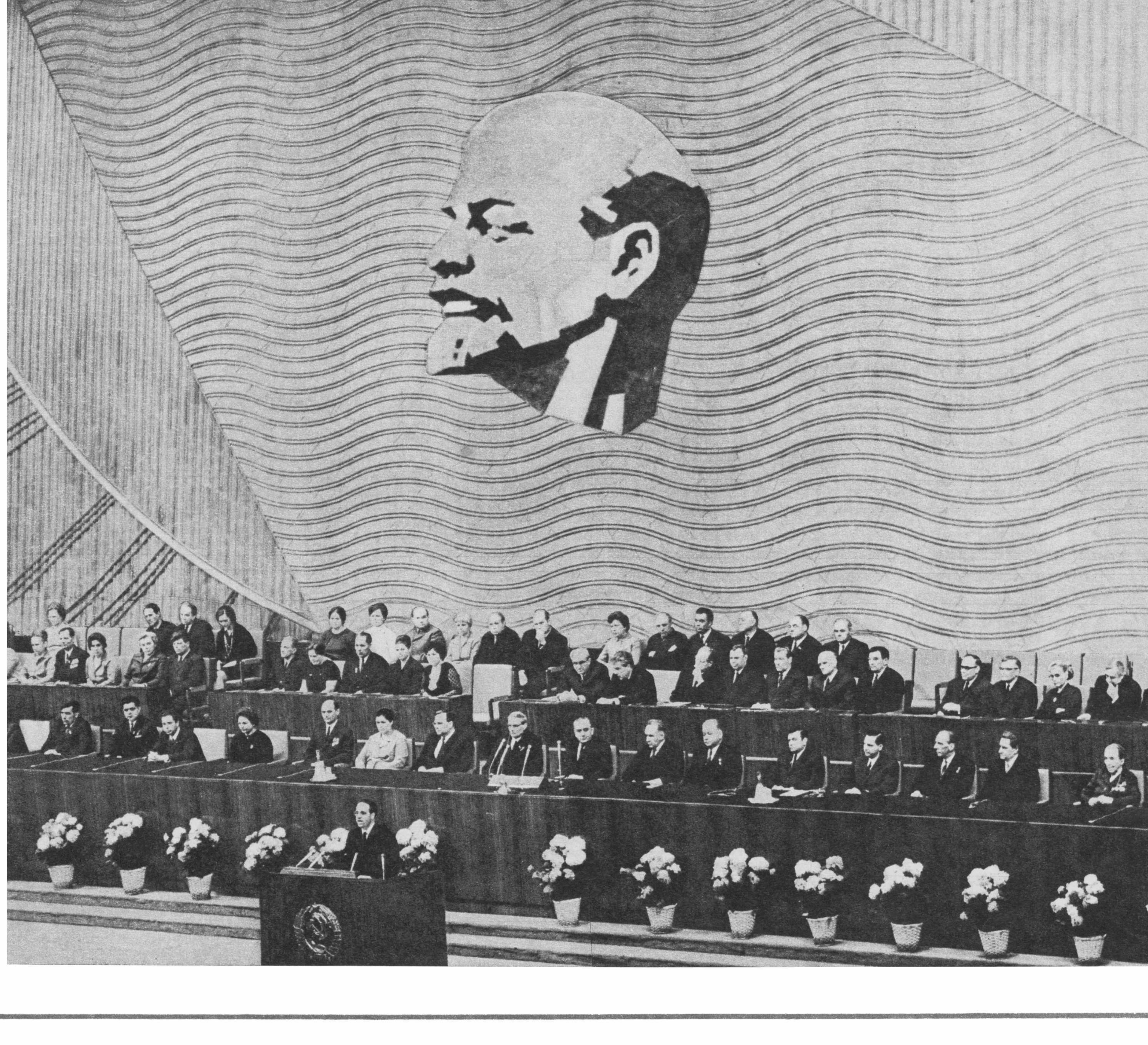
С докладом «Политика КПСС — ленинизм в действии» выступил секретарь ЦК КПСС тов. К. Ф. Катушев.

На снимке: Кремлевский Дворец съездов. 22 апреля 1971 года. Торжественное заседание, посвященное 101-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева.

НО

Э

ВЫЙ ТАП

С. БОРЗЕНКО,
Н. ДЕНИСОВ,
специальные корреспонденты «Правды»

Хорошо знакомы советским людям исследователи звездного океана Владимир Александрович Шаталов и Алексей Станиславович Елисеев. А ныне страна узнала космонавта двадцать три Николая Николаевича Рукавишникова. В наших журналистских блокнотах о каждом из них сохранилось немало записей, сделанных в «Звездном городке», на космодроме. Думается, некоторые странички из этих записных книжек помогут читателям «Огонька» дорисовать портреты опытных космонавтов, лучше представить себе их молодого космического «однополчанина».

1

Как-то раз в «Звездном городке» Юрий Гагарин познакомил нас со стройным, высоким, светловолосым офицером. Его открытое русское лицо чем-то напоминало Сергея Есенина. Владимир Шаталов понравился с первой беседы. И не только внешним обликом, но и спокойной манерой разговора, обстоятельностью суждений.

Записали его биографию. Обращала внимание интересная деталь: отец космонавта — Александр Борисович — в прошлом бортмеханик красного Воздушного Флота, потом железнодорожник, в годы Великой Отечественной войны удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Владимир с малых лет устремлен в высокое небо. Любимый герой его детских лет — Валерий Чкалов. Подростком, учась в авиаспецшколе Караганды, собирал в альбом газетные и журнальные вырезки с рассказами о боевых

подвигах Александра Покрышкина, Ивана Кожедуба и других наших истребителей-асов.

В год победы Владимир Шаталов стал курсантом Качинского авиаучилища. И с тех пор все время в полетах — курсантских, инструкторских, командирских. Налетал многие сотни часов на сверхзвуковых самолетах, в стратосфере, днем и ночью, в любую погоду. На его офицерском кителе под крылатой эмблемой — белый ромбик значка об окончании Военно-воздушной академии.

В заключение первой встречи традиционный вопрос:

— Когда же в космос?

В ответ застенчивая, скромная улыбка и кивок в сторону присутствующего тут же Георгия Берегового:

— Сначала, наверное, Тимофеич...

Так и вышло. В октябре шестьдесят восьмого на «Союзе-3» на орбиту поднялся Георгий Береговой, а в январе шестьдесят девятого впервые пошел в космос на «Союзе-4» Владимир Шаталов...

2

...В МИКе — монтажно-испытательном корпусе — заканчивались работы. Завтра гигантская ракета и вмонтированный в ее верхнюю, головную часть космический корабль «Союз-1» будут вывезены на стартовую площадку. Юрий Гагарин обратил внимание журналистов на одного из молодых инженеров в штатском — высокого, плечистого молодого человека.

— Мой ровесник и земляк,— заговорщицки подмигивая, тихо сказал он.

— Тоже со Смоленщины?

— Нет, калужанин... Есть такой городок близ Калуги — Жиздра, вот родом он как раз оттуда...

— ???

— А земляк потому,— заметив наши недоуменные взгляды, пояснил Юрий Алексеевич,— что ведь и я и все, кто уже летал в космос,— почетные граждане Калуги.

— Словом, земляки Константина Эдуардовича Циолковского!— подхватил кто-то гагаринскую шутку.

Все рассмеялись. Однако вскользь брошенного намека упустить было нельзя. Гагарин дал понять, что следует заинтересоваться Алексеем Елисеевым — так звали молодого инженера,— исподволь приглядеться к нему.

И мы пригляделись, кое-что разузнали. Действительно, родом он из тихой, зеленой Жиздры, но семилетним мальчонкой из-за надвинувшейся грозы Великой Отечественной войны оказался в восточных районах страны. Потом — Москва. Средняя школа. Студенческие годы — в МВТУ имени Н. Э. Баумана. Спортсмен-разрядник, активист комсомольской организации. Инженер конструкторского бюро. В «Звездный городок» пришел по рекомендации академика С. П. Королева. Среди других молодых инженеров, проходящих космические тренировки, выделяется глубиной знаний, завидным упорством. Уже теперь его можно считать отменно подготовившимся к полетам на кораблях типа «Союз».

И еще не раз довелось нам приглядываться к Алексею Елисееву, слышать добрые отзывы о нем от Андрияна Николаева, Алексея Леонова, Константина Феоктистова и других космонавтов. В час старта «Союза-3» Алексея Елисеева можно было видеть на смотровой площадке космодрома. Одетый в короткое пальто, в теплой шапке-ушанке, он держался скромно, как-то незаметно. Его широкие ладони с длинными, гибкими пальцами крепко сжимали перильца смотровой площадки, а глаза внимательно впитывали все, что происходило на старте.

3

14 января 1969 года. Утро ясное, морозное. Восходит золотое солнце, а в южной части неба — серебряный полумесяц. Владимир Шаталов уже в корабле. Наступает минута, ради которой затрачено так много труда...

— Пуск!

Лавина огня с грохотом обрушивается на Землю. Ожившая ракета плавно отрывается от стартового устройства. Пламя, выбивающееся из двигателей, словно соперничает со слепящим золотом Солнца.

С высоты доносится спокойный голос Шаталова:

— Раскрываются солнечные батареи и антенны. Наступила невесомость. Приступил к проверке систем. Давление в магистралях двигателей нормальное...

15 января 1969 года. Такой же блестящий, как и вчера, новый старт — «Союз-5». На его борту — Борис Волынов, Алексей Елисеев и Евгений Хрунов. На следующий день, подобно двум песчинкам, «Союз-4» и «Союз-5» в бескрайнем звездном океане нашли друг друга, сблизились, причалили борт к борту!

Все четыре с половиной часа, пока это необычное сооружение кружило над планетой,— новость за новостью. Главная из них — Евгений Хрунов и Алексей Елисеев, надев скафандры, вышли в открытый космос и перебрались из «Союза-5» в «Союз-4». Шаталов взлетел один, возвращаться на Землю будут втроем!

4

11 октября 1969 года ушел в космос «Союз-6». За ним 12 октября — «Союз-7». На орбите уже пятеро космонавтов — Георгий Шонин, Валерий Кубасов, Анатолий Филипченко, Владислав Волков и Виктор Горбатко. На другой день стартует «Союз-8». На нем экипаж: командир — Владимир Шаталов, бортинженер — Алексей Елисеев. Перед отлетом вечером — короткая беседа с журналистами. Оба вышли к нам по-домашнему — в синих спортивных костюмах.

Первый вопрос к Шаталову: какие перемены произошли в его жизни за минувшие девять месяцев?

— Самое главное событие,— говорит он,— назначение в состав экипажа «Союза-8». Почти все время ушло на подготовку к новому, второму полету...

Елисеев по обыкновению молчалив, краснеречивее его сильные руки. Они уже однажды доказали, как ловко могут работать в состоянии невесомости, в глубоком вакууме. В предстоящем полете Елисееву, как бортинженеру флагманского корабля, предстоит решить много сложных и разнообразных задач. Такие руки, как у него, не подведут!

22 октября 1969 года. Не по-осеннему солнечная, теплая Москва в девятый раз встречает покорителей космоса. Нынче они прилетают не на «ИЛ-18», как обычно, а на новом, «ИЛ-62». Красавец гигант подходит к Внуковскому аэропорту в сопровождении эскорта стреловидных истребителей. Приземлившись и подрулив по бетонке, лайнер замирает возле традиционной красной ковровой дорожки.

Для встречи экипажей трех «Союзов» ковровую дорожку сделали вдвое шире. Большой группой во главе с Шаталовым они двинулись по ней для доклада Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР. И невольно подумалось: какой длинной и широкой дорогой в космос становится узкая тропинка, которую впервые проторил Юрий Гагарин. Тогда коммунист Юрий Гагарин был в космосе один. Теперь на орбиты сразу на нескольких кораблях выходят целые коллективы коммунистов; самые трудные задачи им по плечу!

5

Вспоминаются короткие встречи с Николаем Рукавишниковым. Его приятное лицо, высокий лоб, твердые проницательные глаза много знающего человека.

Мы говорили с ним об академике С. П. Королеве. Для него академик — настоящий человек, образец для подражания молодым ученым и одаренным, ищущим инженерам.

Николай Рукавишников бесконечно благодарен матери своей Галине Ивановне, с детства прививавшей ему благородные качества человека и гражданина. Родного отца он не помнит, но с любовью отзывается об отчиме Михаиле Гавриловиче — друге и наставнике, которого вот уже скоро десять лет, как нет в живых. Инженер-путеец, он строил дороги на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Монголии, кочевал в далеких краях с семьей. Отчим привил Николаю страсть к технике. По его совету юноша поступил в Московский инженерно-физический институт и в 1957 году завершил высшее образование. В том году случилось знаменательное событие — был запущен первый искусственный спутник Земли. Спутник, созданный гением советских ученых, порождал мечты, заставлял молодого инженера думать и размышлять.

С большим уважением Рукавишников отзывается о студенческой поре жизни, о профессорах и педагогах. В институте он был комсоргом группы, занимался в мотоциклетной секции, уже тогда любил большие скорости и разумный риск. В совершенстве изучил он системы управления летательных аппаратов — науку, нужную космонавтике. А затем — работа на предприятии. Крутые, тяжелые ступени вверх: инженер, старший инженер, начальник группы, инженер-испытатель...

И, наконец, осуществление давней мечты — группа космонавтов. Специальная подготовка, полеты на учебно-тренировочном истребителе, прыжки с парашютом. Дни, похожие и непохожие друг на друга. Каждый приближал Николая Рукавишникова к космическому полету. Были дни, запомнившиеся навсегда. К ним принадлежит прошлогодний морозный февральский,— когда коммунисты-космонавты приняли Николая в ряды партии Ленина.

6

Апрель 1971 года. Кремлевский Дворец съездов. Среди делегатов XXIV съезда партии нет-нет да и мелькнут знакомые фигуры Валентины Николаевой-Терешковой, Георгия Берегового, Андрияна Николаева, Владимира Шаталова, Алексея Елисеева. Вместе с коммунистами — рабочими и учеными, колхозниками и инженерами, учителями и врачами, партийными работниками и писателями — они поднимают делегатские мандаты, единодушно голосуя за ясную и четкую линию ленинского Центрального Комитета партии во всех наших внутренних и внешних делах, за новые конкретные планы строительства коммунизма.

...Пока набирался этот номер «Огонька», экипаж «Союза-10» успел проделать в звездном океане большую работу и благополучно возвратился на Землю.

Анатолий **ЩЕРБАКОВ**

ОРБИТА

Степь дождями омыта.
В синем небе орел.
Здравствуй снова, орбита,
Голубой ореол!
Все могучей ракеты.
Космонавты дружны.
Коммунистов приветы
Во вселенной слышны.
И полет перед Маем,
Как пролог торжества;
Да, всегда подтверждаем
Мы делами слова!

Алексей Елисеев, Владимир Шаталов и Николай Рукавишников в кабине космического корабля. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Сердечная встреча героев космоса в Москве. Фото А. Пахомова («Правда»).

БОЕВОЙ ПЕРВОМАЙ

В радостно праздничный день Первого мая, когда улицы советских городов и поселков с раннего утра зазвенят музыкой и песнями, славящими людей труда, по многим городам и промышленным центрам капиталистического мира прокатится грозная волна рабочего недовольства и гнева. Эта волна, вызванная настойчивыми усилиями монополий переложить на плечи трудящихся бремя обостряющегося экономического кризиса, неуклонно поднималась последние два-три года. Нарастая и ширясь, она захватывала одну капиталистическую страну за другой, чтобы весной этого года слиться в огромное море рабочего сопротивления. Грабительству монополий, выступающих в союзе с капиталистическим государством, рабочий класс противопоставляет свою сплоченность и готовность стоять и драться до победы. Защищая свои права, он все чаще прибегает к своему самому испытанному и надежному орудию — забастовкам.

Полностью разоблачив и развеяв миф о «классовом мире», забастовки оказались наиболее эффективным средством борьбы труда с капиталом. Схватка между организованным рабочим классом и монополиями не только урезала их прибыли, но и затормозила в отдельных странах промышленный рост, резко сократив производство. В США, например, в 1970 году произошло более пяти тысяч забастовок с участием более трех миллионов человек, в результате чего было потеряно 62 миллиона рабочих человеко-дней. Чувствительный удар был нанесен забастовками прибылям монополий в Англии, Италии, Западной Германии, Японии.

Забастовки, потрясшие основные капиталистические страны, особенно усилились в начале нового, 1971 года. Быстро нарастая, они приняли в апреле исключительно широкий характер. Почти одновременно в Италии, например, забастовали железнодорожники, моряки торгового флота, текстильщики и другие. Рабочие Англии, борясь против антипрофсоюзного законодательства правительства консерваторов, отметили столетнюю годовщину Парижской Коммуны однодневной, но боевой и мощной забастовкой. Выбрав этот день, рабочие намеренно подчеркнули политический характер забастовки. Чтобы продемонстрировать свою решимость оказать сопротивление правительству капиталистов — оно действительно состоит почти из одних крупных промышленников и банкиров,— профсоюзы провели в тот же день чрезвычайный съезд, на котором от имени девяти с половиной миллионов организованных трудящихся объявили о готовности бороться всеми силами за право на забастовки.

Волны забастовок прокатываются одна за другой в Японии. Начавшись общенациональной забастовкой в конце марта, забастовочная волна снова затопила почти всю страну в первой декаде апреля, захватив 15 основных отраслей промышленности, а затем повторилась неделю спустя. Чем ближе к Первому мая, тем шире и многочисленнее становились выступления японских трудящихся. Профсоюзами образован комитет совместных действий. Эту борьбу возглавляют крупнейшие профсоюзы страны.

Тучи больших и ожесточенных схваток между рабочим классом и монополиями надвинулись на США, где открытое столкновение ожидается в ближайшие месяцы и даже недели, когда истекают сроки трудовых соглашений. К длительным и тяжелым боям готовятся рабочие основных отраслей американской промышленности — сталелитейной, нефтяной, строительной, а также транспорта.

Лопнул мыльный пузырь «классового сотрудничества» и в таких странах, как Швеция, Дания, Норвегия, которые долгое время служили апостолам «свободного предпринимательства» образцами проповедуемого ими «общества всеобщего благоденствия». Эти страны потрясаются ныне резкими конфликтами и столкновениями между профсоюзами и монополиями.

Самой замечательной особенностью весны 1971 года является не только сплоченность и боевой дух всех отрядов трудящихся, но и их возросшее классовое сознание. Организованный рабочий класс все чаще и все активнее выступает под знаменами, на которых, помимо экономических требований, начертаны его политические цели: обуздание власти монополий, прекращение гонки вооружений, укрепление мира и сотрудничества между народами. Профсоюзные съезды и конгрессы, не ограничиваясь защитой экономических интересов трудящихся, все настойчивее проявляют стремление вмешаться в политику правительств капиталистических стран, сказать свое веское слово в защиту мира, против войны.

В марте группа руководителей профсоюзов США вопреки соглашательской и прислужнической политике верхушки АФТ — КПП выступила от имени нескольких миллионов организованных американских рабочих с обращением, осуждающим грязную войну империализма США в Индокитае и призывающим профсоюзы «заявить администрации Никсона: «С нас довольно!» — и продемонстрировать свою силу в деле достижения мира». Развертывая свое «весеннее наступление», японские профсоюзы требуют прекращения агрессии США в Индокитае, ликвидации японо-американского «договора безопасности» и т. д. Политические требования вдохновляют итальянских трудящихся, оказавших решительное сопротивление фашистским заговорщикам и их покровителям в правящей верхушке.

Рабочий класс, развертывающий бои за свои экономические и социальные права, все активнее становится во главе расширяющейся в эти весенние недели антивоенной борьбы, придавая ей еще более широкий, всенародный характер и направляя ее против капиталистической системы — подлинной виновницы войн, национального и социального угнетения, расовых насилий и грабежа. Каждая неделя, каждый день этой борьбы подтверждают точность оценки роли рабочего класса, данной Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, как «главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антимонополистических сил».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Колонна участников антивоенной манифестации

МАРШ

Честная Америка требует:

«Мир — сейчас же!»

«Немедленно вывести американские войска из Вьетнама!»

в Вашингтоне.

Бывший солдат выбрасывает медаль, которой правительство США наградило его за участие в кровавой бойне.

ПРОТИВ ВОЙНЫ

Мощные антивоенные манифестации прокатились на прошлой неделе в Соединенных Штатах. В Вашингтоне на улицы вышло около полумиллиона человек. В Сан-Франциско — свыше 200 тысяч. В университетских центрах страны на студенческие митинги собрались десятки тысяч юношей и девушек.

Ряды борцов за мир в Соединенных Штатах пополняются все новыми и новыми людьми. Среди них — военнослужащие, бывшие и настоящие солдаты-фронтовики. Именно они возглавили одну из самых мощных антивоенных демонстраций, которая состоялась в Вашингтоне. Они несли в руках плакаты: «Довольно! Хватит позора! Хватит преступлений! Мир немедленно!»

«Мир — немедленно! Мир — немедленно!» — скандировали сотни тысяч человек. Но власти ответили на этот призыв репрессиями. В Вашингтоне полиция арестовала 142 человека. Однако волна митингов и демонстраций охватывает все новые и новые города Соединенных Штатов.

Газета «Нью-Йорк таймс» справедливо замечает, что президент США тем не менее намерен «продолжать американское участие в делах Индокитая... до бесконечности». Газета критикует это намерение, отмечая, что израсходованы сотни миллиардов долларов ради увековечения существующего правительства в Сайгоне. «Настало время,— как сказал сенатор Маски,— освободить страну от бремени и проклятия этого конфликта».

Антивоенное движение в США принимает все более массовый, все более широкий характер.

Ордена, медали, военные документы и значки, солдатские мундиры и пилотки. Их бросили у стен Капитолия ветераны в знак протеста против американской агрессии в Индокитае.

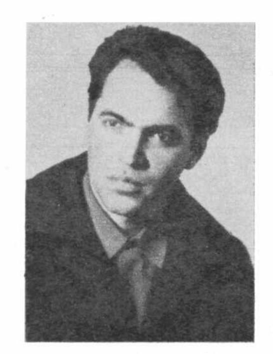
Фото ЮПИ.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

СТИХИ О РОДИНЕ

Ты посмотри на величие
Дел наших громких.
Сердцем почувствуй
Бесстрашный полет и размах.
Там, где горела недавно
Лучина в потемках,
Свет электрический
Радостно вспыхнул в домах.
Там, где навстречу телеге
Кивали березы,
Пылью клубились
Печальные ленты дорог,
Путь сокращая,
Проносятся электровозы
С юга на север
И с запада на восток.
Все, что желаньем
Великого Ленина было,
Плотью живой обросло —
Можешь тронуть рукой!
Волгу и Дон
Наша воля соединила,
Яркие гроздья
Сияют над Ангарой.
От Сталинграда, омытого кровью,
До Братска
И от кавказских вершин
До тяньшаньских хребтов
Жизнь, что была маетой,
Превращаем мы в сказку,
Предков мечту
Пронося над хребтами веков.
Партия, ты указала
Дорогу нам эту.
Компас твой верен,
И точен предельно расчет.
Путь миллионов —
Из рабства проклятого
К свету,
Путь миллионов —
К счастливому завтра,
Вперед!
Родина! Музыки сколько
В простом этом слове,
В нем, будто в зеркале чистом,
Отражены:
Вербы у Дона,
Метели над тундрой суровой,
Наши сады, что под осень
Плодами полны.
Домны, в которых металл
Полыхает зарею,
Шахты, где черного золота
Щедрый запас.
Берег морской,
Маяки над зеленой волною,
Все, что прекрасно
Само по себе, без прикрас.
Все, что укрыто
От глаз человечьих, откроем,
Страшную бойню
Врагам развязать не дадим.
Новый, безгорестный мир
На земле мы построим,
Мир коммунизма,
В который сегодня глядим.

Лимарий СЕМЕНОВ

ПРИЧАСТНОСТЬ

* * *

Благодарю тебя за чувства,
Недавний миг...
Тогда туман, как дух искусства,
В лесу возник.

Вблизи олень спокойно выслушал
Шаги мои
И, встрепенувшись, поднял выше
Глаза свои.

Сосновый бор, ты соучастник
Сердечной смуты:
Я приглашен на тихий праздник
Большой минуты.

Горела поздняя заря
Глубокой осени.
Тут — новоселье снегиря.
И — ветокростени.

Костер веселый ворошить
В таком соседстве...
И в прошлом быть,
и новым жить,
И — зорче сердцем!

* * *

Я потрясен: огнем пылают
Поленья серые, тугие.
Они высоко поднимают
И золотые, и седые,
И переливчатые с синим,
Кровавые, немые языки.
Понять огонь поэт бессилен,
Нет точной об огне строки!

Но все же, почему задумчив
Становишься ты у костра,
Чем трепетным берет за душу
Его бездушная игра?
Природа ль говорит в оттенках,
Так колыхаемых, душа ль?
Чем отделен огонь от тени?..
Все, что не он,— берет, круша,
Все превращая в тихий пепел,
Похищенный и дорогой.

Нет, слова про огонь не встретил,—
Такого нету про огонь!
Восходит благодатный свет
От дров — деревьев обреченных,—
В последний раз за столько лет
Они гудят,
гудят о чем-то...

* * *

Я с грустью вспоминаю измененья
В селе воронежском, раздольном...
Два тополя свалило наводненье,
Два тополя, два тополя.

По ним мальчишкой измерял я дали,
Они мне никогда не лгали!
Из темноты, отчетливы, тихи́,
Являлись, чтоб войти в стихи.

Сияли бури на вершинах бешено —
Два тополя на всех ветрах
Шумели, вспоминая беженцев,
В осколках, словно в орденах.

Я с грустью вспоминаю измененья
В селе воронежском, раздольном...
Два тополя свалило наводненье,
Два тополя...

ШОФЕР

От натуги вспотел телефон.
Спит шофер, он не может больше,
Спит, к столу прислонившись лбом,
В тесной будке в разгар уборочной
Все же я подхожу, тормошу,
Говорю я:— Поедем, Серега.—
И кричу и, крича, прошу:
— Ждут заря, и зерно, и дорога...
А Серега во сне глубоком,
Он бурчит: — Не буди, маманя...—
И проводит промасленным локтем
По какой-то серьезной бумаге.
А потом мы с ним едем звонко,
На капоте роса блестит,
И встречается нам девчонка,
И хотим мы ее подвезти,
А она кричит: — Спасибо!
Мол, до тока недалеко.
Мы кричим ей: — Пока, красивая,
Только в клуб приходи вечерком!

* * *

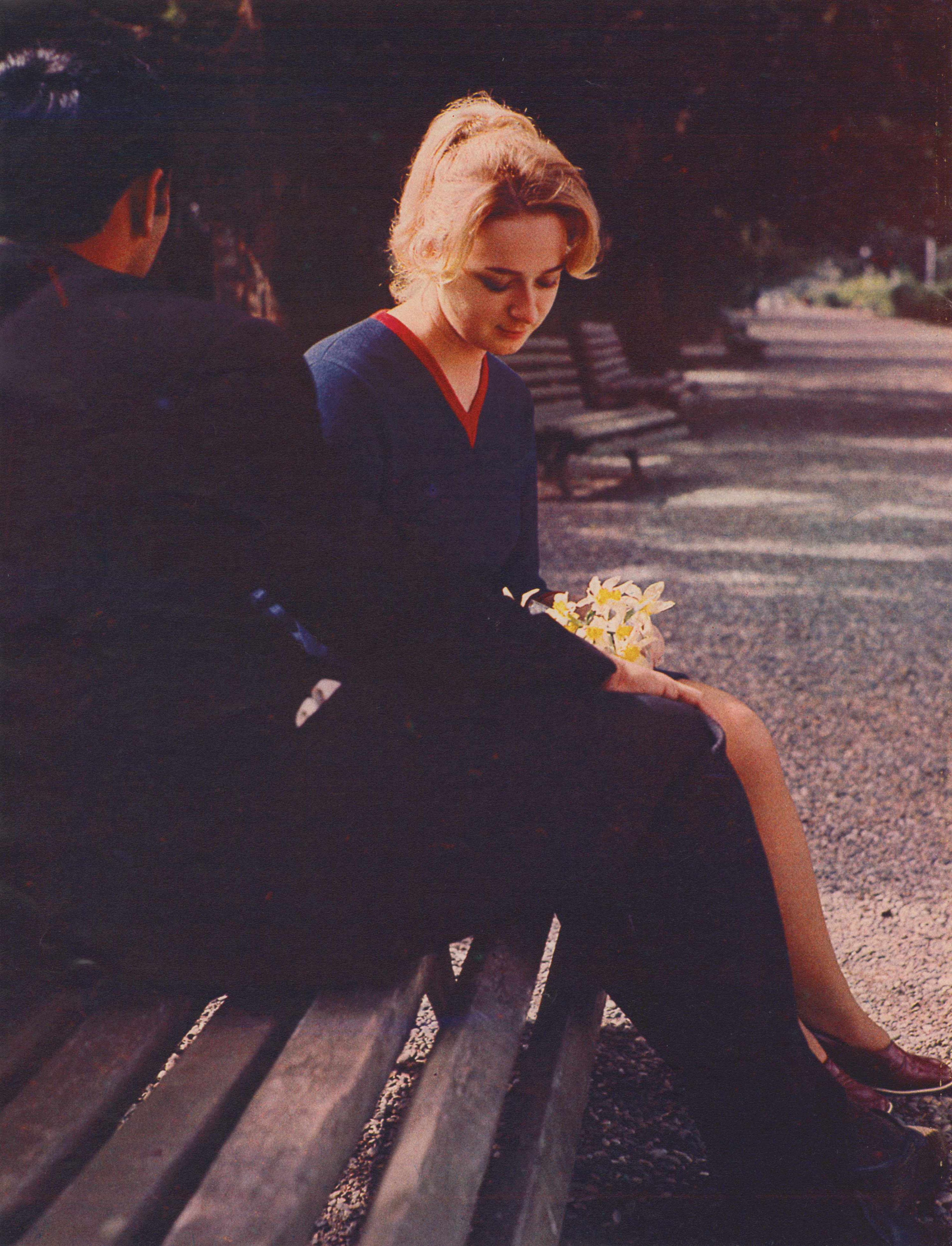
Удивились женской красоте?..
А она всегда была в России.
В ситцевой таилась простоте,
Незаметная в своем бессилии.

В красоте раскрыться и не смели
На большое горе обреченные...
Женщины России тяжелели
Красотой сегодняшних девчонок.

ПОДРУЖКИ.

Фото Л. Бородулина.

Джек Дэш выступает на митинге докеров.

АНГЛИЯ: ТРЕВОГИ И ЗАБОТЫ

И. ЛАПИЦКИЙ

ДЖЕК ДЭШ ИЗ «ДОКЛАНДИИ»

В районе, прилегающем к лондонским докам, мы сидим в таверне «Добрые друзья» с Джеком Дэшем. У этого 63-летнего человека удивительно молодое лицо, а за плечами нелегкая жизнь. Докер, цеховой староста, коммунист, Джек Дэш много раз поднимал своих товарищей на борьбу. Это он несколько лет назад был одним из зачинателей продолжительной и победной стачки докеров. Это его имя на все лады склоняла реакционная буржуазная пресса.

Популярность моего собеседника велика. Об этом я сужу не только по тому, как тепло приветствует его каждый новый посетитель таверны. Вся «Докландия» (так он называет родной район доков) хорошо знает, уважает и любит Джека. Его кипучей энергии могут позавидовать молодые люди. Не проходит дня, чтобы он не выступал на рабочих митингах или в студенческих аудиториях, и одна из наиболее любимых лекций, с которой он часто выступает,— «Карл Маркс в Лондоне».

В одном из своих выступлений Дэш говорил об отчаянном положении сотен тысяч английских пенсионеров. Прошлой зимой шестьдесят тысяч стариков и старух скончалось в заброшенных помещениях, чердаках и мансардах от недоедания и отсутствия топлива. Их смерть на совести правительства, заявил старый докер.

Он показал мне написанную им статью, опубликованную под заголовком «Отвергнутые». Старый английский рабочий писал о стране, где пять процентов населения владеет почти шестьюдесятью процентами всех богатств. «На протяжении всей жизни трудового человека капиталистическая система выжимает из него все силы, стараясь увильнуть от ответственности перед теми, кто создает своим трудом несметные богатства для кучки монополистов. Когда же рабочий стареет, его отбрасывают, как ненужный, сломанный инструмент»,— писал Джек Дэш. Тяжело приходится не только тем, к кому пришла старость. Английские социологи утверждают, что в условиях бедности живет семь с половиной миллионов человек, то есть примерно четырнадцать процентов населения страны. Уровень безработицы сейчас самый высокий за последние тридцать лет: в феврале он приблизился к 800 тысячам человек. Это результат экономического застоя, длящегося продолжительное время. Экономисты предсказывают дальнейшие трудности. Борьба на капиталистических рынках сбыта обостряется. Англия все более заметно отстает от конкурентов. По общему объему производства Япония уже некоторое время назад оттеснила ее на третье место в капиталистическом мире.

Но выход из экономических трудностей правящие круги страны видят лишь в завинчивании гаек. И наступление на жизненный уровень и права трудящихся идет полным ходом. В условиях безудержной инфляции и роста цен правительство консерваторов фактически пытается блокировать заработную плату трудящихся. Так, в течение прошлого года в стране было зарегистрировано более десяти тысяч случаев повышения цен, главным образом на продукты питания. В нынешнем году предполагается рост цен не менее чем на десять процентов. Снижая налоги на сверхприбыль, правительство «наводит экономию» за счет снижения расходов на здравоохранение, жилищное строительство, образование и другие социальные нужды. Для докера и коммуниста Джека Дэша это не просто газетные строки. Это жизнь, и он не мыслит ее без борьбы и гордится тем, что таких массовых, общенациональных выступлений, какие Англия увидела в последние годы, не знает вся ее история.

Правительству лейбористов не удалось обуздать рабочих, и за

ВЕСНА...

Фотоэтюд Д. Ухтомского.

это взялись консерваторы. Но уже через месяц после их прихода к власти страну потрясла двухнедельная всеобщая забастовка докеров. Власти угрожали ввести в доки войска, но не решились это сделать. Позднее больше месяца бастовали работники коммунального хозяйства, затем электрики. Последняя стачка настолько напугала правящие круги, что правительство ввело чрезвычайное положение в стране. Реакционная печать требовала судить профсоюзных лидеров на основе уголовного закона... 1875 года. Травля профсоюзов, их активистов продолжалась. Однако решимость трудящихся отбить наступление на их жизненные права не поколебалась. Первые месяцы нынешнего года ознаменовались стачкой 50 тысяч рабочих автомобильных заводов и первой в истории Англии всеобщей забастовкой 230 тысяч почтовых работников. Небывалых масштабов политические стачки вспыхнули в знак протеста против подготовляемого антирабочего законодательства.

Рассказывая мне об этом, английский рабочий Джек Дэш видел и другую сторону событий. «За последние годы монополизированная система массовых средств информации и их воздействие на обывателей значительно усовершенствованы,— говорил он,— и денег на это правительство не жалеет».

На кого работает буржуазная пресса, легко убедиться. Например, общенациональную забастовку почтовиков «Дейли экспресс» комментировала так: «После мусорщиков и электриков выступают почтовые работники. Это еще одна стачка, призванная дезорганизовать национальную экономику и расстроить налаженную жизнь народа». Не упомянув ни словом о скудных заработках почтовиков, газеты сознательно писали о тех неудобствах, которые забастовка вызывала в стране, где ежедневно на 20 миллионов адресов поступает 35 миллионов писем. Стараясь направить против бастующих ненависть обывателя, газеты не останавливались перед грубой фальсификацией и клеветой. В эти дни огромные заголовки газет кричали о том, что из-за стачки пенсионеры окончательно лишатся средств к существованию, не получая пенсию. Между тем профсоюз почтовых работников заранее объявил, что будет продолжать операции по выдаче пенсий в соответствующих почтовых отделениях...

О СТАТИСТИКЕ И ЖИЗНИ

В Англии говорят сейчас о новой болезни. Ее называют «мортгеджитис», от английского слова «закладная», «долговое обязательство». Это заболевание нервной системы, как утверждают врачи, оказывается, связано с всепоглощающей заботой многих англичан о выплате долгов и высоких процентов.

— Как видите,— заметил по этому поводу мой знакомый журналист,— мы активно осваиваем американский образ жизни в рассрочку!..

И статистика действительно подтверждает, что в последние годы средняя английская семья все больше влезает в долги. Особенно тяжелым оказывается бремя долгов для молодых семей. Снимая или покупая в рассрочку квартиру, молодожены часто берут на себя непосильные финансовые обязательства. Все самые осторожные расчеты летят в пропасть при малейшем нарушении баланса семейного бюджета, если муж или жена, хотя бы временно, теряют работу. Растет безработица среди молодых англичан, и продолжает расти число нервных заболеваний.

Представитель органов здравоохранения доктор Питер Уэсткомб считает, что речь идет о серьезном социальном явлении, которое должно насторожить широкую общественность.

«Есть у жителей Британских островов еще одна большая забота— жилье. Жилищные проблемы в нашей стране с каждым годом обостряются»,— говорил мне во время одной из встреч в Лондоне член парламента Фрэнк Оллаун. На протяжении вот уже многих лет он не раз выступал с этой темой в парламенте и в печати, но все его предложения и законопроекты пока остаются на бумаге. Фрэнк Оллаун принадлежит к сравнительно небольшому числу английских парламентариев, которые отчетливо связывают практическое решение острых социальных проблем с перспективой разрядки международной напряженности и сокращения раздутого в Англии военного бюджета.

— Нехватка жилья в нашей стране представляется мне отчаянной,— рассказывал Фрэнк Оллаун.— Одна из главных причин — политика правительства в области кредита. Муниципальные дома —их, к сожалению, слишком мало — строятся на базе долгосрочного кредита, который обогащает тех, кто его предоставляет, и разоряет тех, кто им пользуется. Посудите сами: стоимость долгосрочного кредита в общем в шесть раз превышает сумму, которую вы одалживаете: на нее нарастает шестьсот процентов!

Но и в таких домах очень трудно получить квартиру. К Оллауну часто обращаются семьи избирателей, которые по 20—25 лет стоят на очереди на получение квартиры.

— Квартирная плата в нашей стране давно поглощает 25—30 процентов заработка среднего человека, работающего по найму,— объяснял он.— Но стоимость жилья постоянно растет. Сейчас нам приходится вести борьбу за сохранение квартплаты на уровне 25—30 процентов зарплаты, поскольку во многих местах наметилась тенденция ее повышения — до 40 и даже 50 процентов заработка.

Выступая не так давно в парламенте, Оллаун ратовал за изменение системы финансирования жилищного строительства. Но все осталось без изменений. «Правительство,— сказал он,— должно выделять деньги на жилищное строительство точно так же, как это делает оно, когда речь идет о строительстве автострад или линкоров».

Растут тревоги и заботы трудовой Англии, и вместе с ними все выше поднимается волна забастовок. Открытое наступление правительства консерваторов на права трудящихся встречает решительный отпор организованного рабочего класса.

Лондон — Москва.

Ивар Кронис: У НАС ПО

Н. ХРАБРОВА

Ивар встретил нас у входа в гавань и первым делом повел смотреть свой СРТ. На крыше рубки горели прожекторы, матросы красили траулер красной и белой краской.

— Работаем в три смены,— рассказывал Ивар,— спешим в океан.

— И вы тоже спешите? — спросили мы.

— Еще как! — ответил Ивар.— После всех происшествий я полюбил океан даже больше, он ведь тут ни при чем. Сбегаю вот на катере на несколько дней под Вентспилс, на ближний лов, а там, глядишь, и снова к банке Джорджес.

Вот что произошло на этом траулере: штормило, судно швартовалось к плавбазе, и в эту минуту лопнул стальной трос. Обрывком хлестнуло Ивара по ключице, он потерял сознание и упал. Лицом на якорь.

Когда Ивара подняли на плавбазу, судовой врач наложил швы и сказал:

— Сотрясение у тебя и переломы. Нужен длительный и полный покой. Сам понимаешь, не в нашем судовом лазарете, не на волне. Я вызвал американский вертолет.

Так Ивар Кронис оказался в больнице американского города Атлантик-сити. У него было 24 перелома — два на ключице, остальные на лицевых костях.

Молодой врач Вия Вилдава работает в Озолниеках.

Лечили его в Америке хорошо. Студентка-медсестра принесла англо-русский словарь. Поглядывая в него, Ивар разговаривал с персоналом. Тот же словарь помог Кронису понять, почему ему так сочувствуют медики: лечение будет стоить бешеных денег, придется всю жизнь их отрабатывать... Иногда Ивару приходилось разговаривать и на родном языке: это когда его навещали «соотечественники», латышские эмигранты. Они уговаривали матроса остаться в Америке и, услышав короткий ответ Ивара, начинали грозиться и призывать на Советскую Латвию апокалиптические кары. Ивар сначала сердился на этих визитеров, потом стал жалеть их: вечно озлобленные, везде чужие, они никогда не узнают и не поймут тех законов жизни, которые давно утвердились у Ивара дома, в Латвии. Да и сам-то он многое осмыслил в полную меру именно потому, что с ним произошло несчастье и он оказался в чужом мире.

— Я повторяю,— рассказывал Ивар,— врачи лечили меня хорошо, я им очень благодарен. Но... Как бы это вам объяснить? У нас по-другому. Например, мы совсем не умеем думать о том, что за спиной врачей все время стоят деньги... Понимаете, доброта американских медиков особая, так сказать, оплаченная доброта.

Они удивлялись моему «странному» поведению,— продолжал Ивар.— И, правда, на их взгляд, я вел себя как миллионер... А я... Но ведь если ты лежишь в больнице и тебе вдруг становится плохо, ты нажимаешь кнопку и вызываешь дежурную сестру, правда? А у них каждый вызов стоит 13 долларов. Каждый обезболивающий укол — 170 долларов. Каждое переливание крови — 65 долларов. Одна из моих операций обошлась в 750 долларов, и только подготовка операционной стоит 275 долларов...

А что было бы с Иваром Кронисом, если бы несчастье случилось вблизи от наших берегов?

На этот вопрос нам ответил главный врач Талсинской районной больницы Алфред Милтиньш:

— Ивар Кронис — житель нашего района, вероятнее всего, он попал бы к нам. И, надеюсь, не пожалел бы об этом, как не пожалел, например, механик рыболовецкого колхоза «Победа» Анатолий Шкляров. Он лечился у нас недавно. Тяжелые травмы были.

-ДРУГОМУ

Фото В. САЛЬМРЕ.

Лудис, погляди-ка, что у него в истории болезни?

Лудис Спрога, заместитель главного врача по лечебной части, принес историю болезни. Бедный Анатолий! Сотрясение мозга. Переломы рук. Перелом четырех ребер. Кровоизлияния. Разрыв диафрагмы. Анемия с шоком... Он поступил в Талсинскую больницу 17 сентября прошлого года, а 2 октября был отправлен в Ригу, в бассейновую больницу. Сейчас живехонек и целехонек.

Мысленно каждый из нас прикидывает: сколько долларов должен был бы уплатить Анатолий Шкляров, окажись он в таком же положении, как Ивар Кронис? Точнее, не Анатолий Шкляров, а его рыболовецкий колхоз. Лечение Ивара Крониса в американской больнице обошлось колхозу «Банга» в семь тысяч долларов.

— А сколько стоило бы такое же лечение здесь, в Талсы?

Алфред Милтиньш отвечает:

— Нас в институте учили ничего не жалеть ради здоровья больного, и с чего это мы вдруг начнем такой странный подсчет?

Мы совместно решили, что заниматься таким подсчетом нам ни к чему, и пошли смотреть новую поликлинику и больницу, а Лудис Спрога решил все же посчитать. Когда мы вернулись, он ошеломил нас:

— Только один первый день лечения Анатолия Шклярова стоил 199 рублей.

— Так дорого?! Почему у нас лечение так дорого?!

— У кого это — у нас? — спросил Спрога и добавил, что у нас лечение бесплатное. Однако вся бесплатность теряла бы всякий смысл, если бы каждому больному надо было напоминать, что восемь переливаний крови стоят 170 рублей (а Шклярову в тот день сделали именно восемь переливаний крови), что цена эпсилон-аминокапроновой кислоты — кровоостанавливающее средство — 10 рублей, полиглюкина — 10 рублей, антибиотиков — 5, преднизолона — 2... И это только медикаменты, это без учета стоимости операции и наркоза, койко-дня и оплаты медперсонала.

— Может, хватит одного дня? — спросил Спрога, и мы согласились — да, хватит.

Хорошо жить и не думать, не знать даже, во что обходится твое лечение. Наверное, это очень страшно: подсчитывать, сколько стоит каждый врачебный обход, каждая капля лекарства, каждая смена больничного белья,— ведь больному и без того плохо!

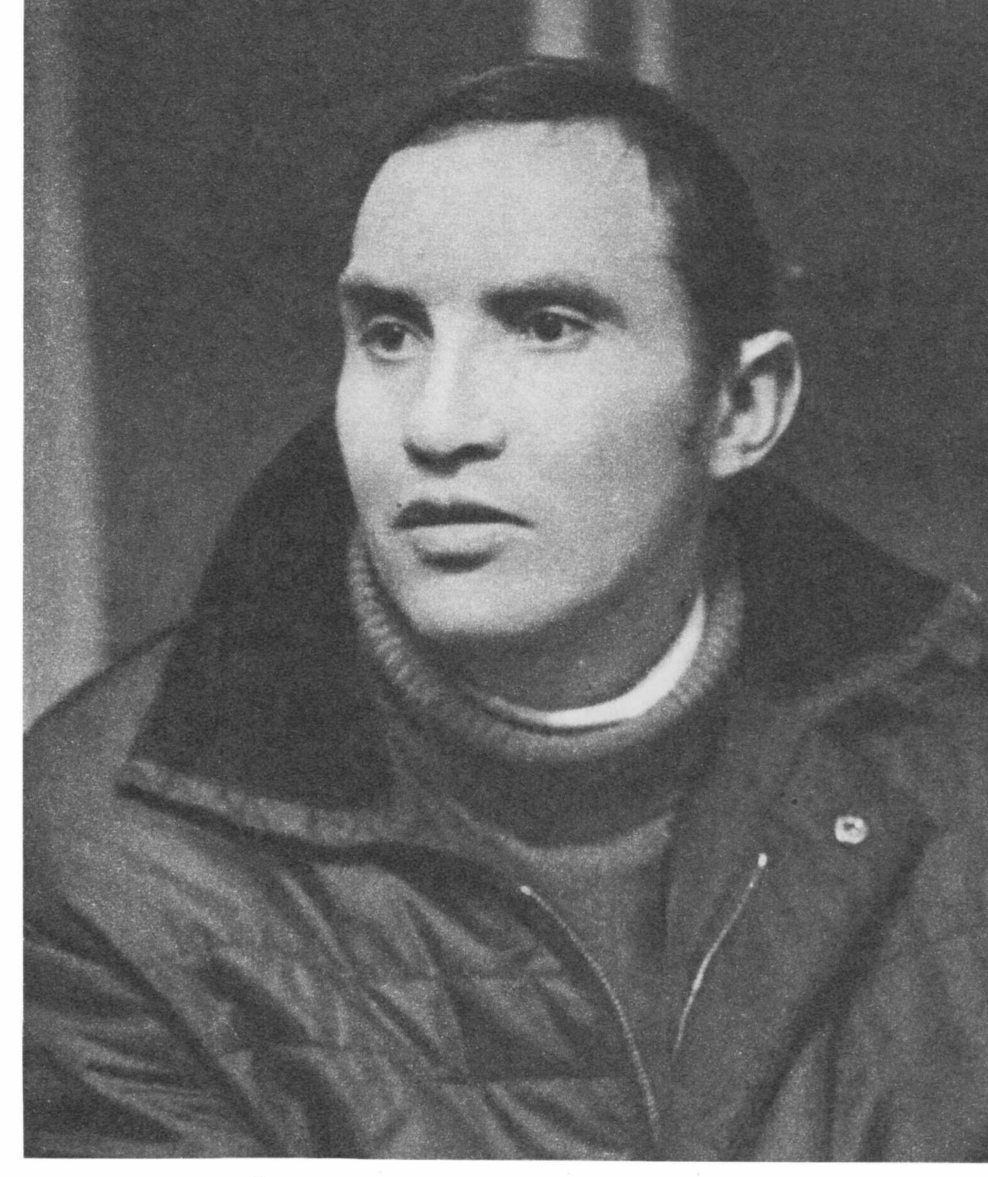
Вот это и понял Ивар там, в Атлантик-сити. Американское-то лечение стоило больше семи тысяч долларов. Но, прибыв домой, Ивар еще долго продолжал лечиться в Рижской бассейновой больнице. Ему выписали, а потом закрыли длительный больничный лист, по которому Ивар получил солидную сумму денег. Потом он пошел в отпуск на два месяца и один из них провел в санатории — по бесплатной путевке.

Мы было опять собрались выпытывать, сколько все это стоило бы в Америке да сколько стоит у нас. Но удержало от этих расспросов ощущение какой-то неловкости. Негуманно это, вот что. Ведь у нас в стране другой счет. И можно поговорить немного о некоторых статьях нашего общего счета. Вот, например: в Латвии на охрану здоровья каждого жителя по бюджету этой прибалтийской республики предусмотрено 35—36 рублей в год. На каждого человека, лечащегося в больнице,— 6—8 рублей ежедневно. На каждые 10 тысяч населения в Латвии приходится 35 врачей. (Есть еще в мире страны, где один врач приходится на 100 тысяч жителей!) А главное вот что: сейчас в Латвии полным ходом идет доброе и благородное дело — строительство новых больниц и поликлиник. Вот и жители Талсы, недалеко от которого живет в рыбачьем поселке матрос Ивар Кронис, в ближайшее время получат новую большую поликлинику. За ее строительством неусыпно следили все медики Талсинской больницы — они хотели, чтобы кабинеты, в которых придется принимать больных, соответствовали последнему слову медицинской техники. И не только следили, но и сами работали на строительстве.

Скоро начнут прием пациентов новые поликлиники в Бауске и в Лимбажи, а к 1975 году Латвия планирует при каждой районной больнице новую поликлинику.

Строят в республике и новые больницы. Нам, разумеется, не удалось побывать во всех латвийских больницах, видели мы только старую Талсинскую, совершенно новую городскую Елгавскую, сельскую амбулаторию в Озолниеках да судовой лазарет на плавбазе «Трудовая слава». О работе медиков в каждом из этих учреждений можно было бы рассказать много доброго, такого, чему стоило бы поучиться. Например, в Талсинской больнице проводится большой эксперимент по организации новых методов ухода за больными. В Елгавской больнице работают 5 кандидатов медицинских наук, здесь, помимо обычной больничной работы, ведутся еще и научные исследования. Ну, а на плавбазе «Трудовая слава», как и на остальных плавбазах советского рыболовецкого флота, существует хорошо оборудованный судовой лазарет. «Трудовая слава», уходя в последний рейс, взяла с собой только одних медикаментов на 1 500 рублей.

Конечно, в копеечку обходятся Советскому государству наши болезни. Щедра рука государства, которая отсчитывает эти деньги. Радуют перспективы развития советского здравоохранения в новой пятилетке. Будет продолжено строительство больниц, поликлиник, диспансеров, санаториев и домов отдыха. В 1975 году количество больничных коек намечено довести до трех миллионов. И по-прежнему Страна Советов показывает пример самых гуманных форм помощи человеку в трудную минуту недуга.

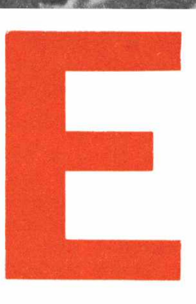
Ивар Кронис уже выздоровел.

Елгавская больница. Так выглядит пост дежурной сестры. Сегодня дежурит медсестра Зелтите Мотте.

Народ говорит: вырасти сына, посади дерево. Молодожены — воспитательница детского сада Вера Булах и электросварщик Григорий Мителев закладывают парк краснодарского колхоза «Маяк коммунизма».

В

Весенние голоса.

С Н А

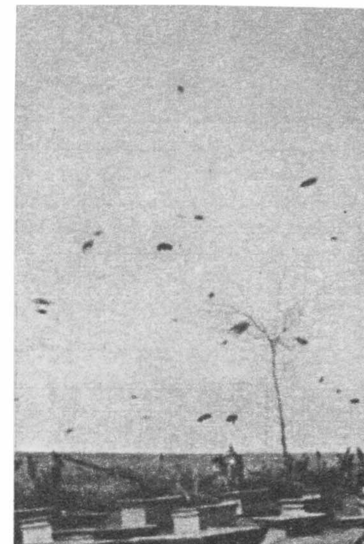
Фото Г. КОПОСОВА.

В наш край,
как домой,
заглянула весна,
пришла, молодая,
горячая,
сильная.
Скажи,
чем ты, наша весна,
красна,
ответь нам,
зеленая,
белая,
синяя!
Весна озарила нас взором:
«Могу!»
И вот в кутерьме ее,
солнечной,
красочной,
мы видим и слышим
на каждом шагу
ответ ее,
радостный,
радужный,
праздничный!
Муж молодой
с молодою женой,
свой путь начиная,
сажают деревце...
Весна
на всю жизнь
пусть сольется
с весной!
Пусть счастье привьется,
плодами оденется!
Деревья поют
в полный рост,
в полный цвет.
За ними,
как сказка, встает,
как видение,
индустрии нашей родной
силуэт,
основа всех весен,
основа цветения.
И вот развернулись
во всей красе
просторы душистой весенней пахоты.
Они, как объятья,—
даешь посев! —
для самых отборных семян
распахнуты!
Луч майский, весенний,
такой золотой
и зримый такой —
ну хоть тронь его пальцами!
И лодки,
как птицы,
летят над водой,
и птицы
в весеннем рассвете
купаются!
И ветер хороший
нам веет в лицо,
несет в книгу жизни
новейшие записи,
ветер
с чудесной,
волшебной пыльцой,
таящей
несметные
новые завязи!
Пусть будет
все больше их
с каждой весной,
свежих ветров,
над землею струящихся!
Свети над планетой
лучистой звездой,
Отчизна Весны,
Государство Трудящихся!

Владимир КОТОВ

Сев идет.

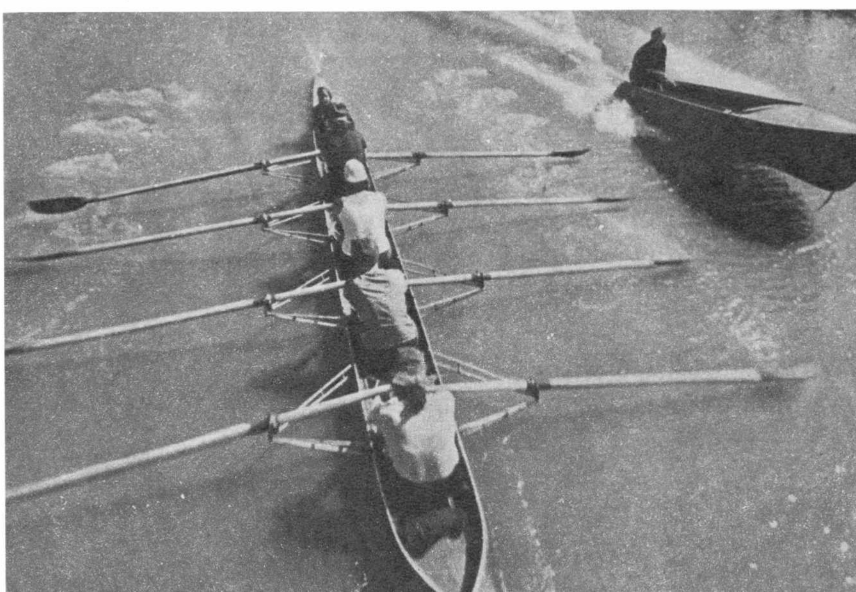
Пора цветения.

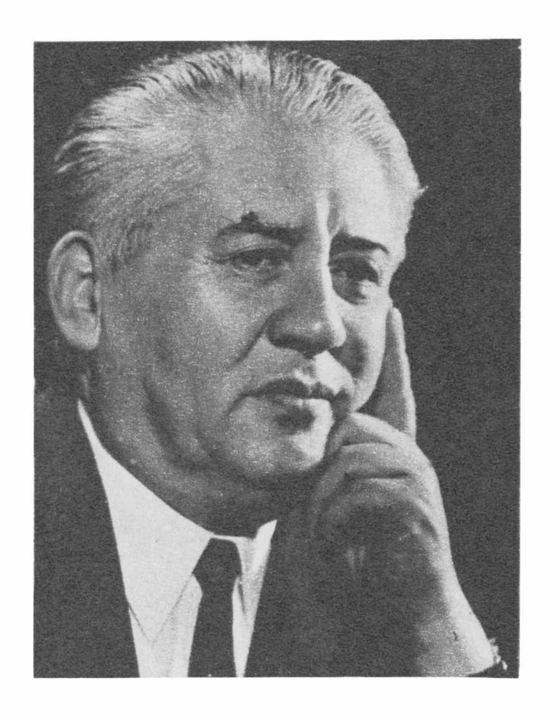

Ожила, гудит пасека.

Первые тропы на воде...

СЧАСТЬЕ ТВОРЯЩИЙ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

В. ЧАЛМАЕВ

Замечательный лирик, обладающий необыкновенной высотой гражданского и интернационального мышления... Поэт, выходивший победителем на традиционных для Индии, Пакистана состязаниях поэтов... Народный поэт Советского Таджикистана Мирзо Турсун-заде — певец своей Родины, своего народа, воплощение его новой исторической судьбы. Таким он, посланец великого Советского Союза, входит в сознание и писателей Азии и Африки на форумах борцов за мир, за классовую солидарность всех народов, всех деятелей культуры, ведущих борьбу за мир, справедливость, освобождение от колониализма.

Таджикская земля, древняя и вечно молодая... Здесь пробивают облака непобедимые, острые пики Гиссарского хребта. Они высились и над долиной, мерцали, внушая мысль о высоте и величии, и над бедняцким кишлаком Каратаг, где весной 1911 года в семье плотника родился будущий поэт. Здесь и дороги Памира, узкие, спирально восходящие к перевалам — путник на них в старину воистину, «как слеза на реснице аллаха...». И неподвижный зной над Вахшской долиной, прорезанной каналом, созданным на древней земле в 30-е годы всеми народами нашей страны.

Имя Мирзо (оно означает «писарь»), оказывается, ко многому обязывало родителей и самого обладателя его, особенно среди безграмотного, еле сводившего концы с концами люда. Первые шаги, первые знания... «Когда мне исполнилось шесть лет, отец отвел меня к мулле. Помню, как он сказал:

— Кожа и кровь моего сына — ваши, кости — мои.

Это напугало меня. Я понял, что мулла может делать со мной все, что ему вздумается: наказывать, бить», — вспоминал поэт.

Каждая крупица истины давалась поэту в труде, в испытаниях. И великое счастье этого скромного таджикского мальчишки с пытливой душой, горячим, влюбленным в мир сердцем, что и его детство, юность, как и юность многих советских поэтов, озарило высокое солнце Октября. Интернат-детдом в Душанбе, институт просвещения в Ташкенте, который Мирзо Турсун-заде окончил в 1930 году, вступление в комсомол, первый сборник стихов и рассказов — «Знамя победы», изданный в 1933 году, — таковы вехи его жизненного пути.

Но как могучая река берет начало с первой бороздки, пробитой под жарким, плавящим солнцем в толще ледника, так и поэтическая строка уходит в далекое детство, в первые беседы с отцом... Мирзо Турсун-заде потому так близок и людям в селениях под Гиндукушем и студентам Кабула, Карачи, что в нем живет, сверкая, как чудесная грань алмаза (и в поэмах его «Хасан-арбакеш», «Вечный свет», «Дорогая моя» и в шедевре гражданской поэзии «Индийская баллада», удостоенной в 1948 году Государственной премии), великий дар соединять высоту и землю, звезды и земные пути, реальнейший труд человека и его идеал. Этот дар рождался исподволь...

«...По вечерам, лежа вместе с отцом под большим ореховым деревом на суфе — глинобитном возвышении посреди двора, — я восторженно смотрел на яркие бирюзовые звезды, заполнявшие темное небо.

— Что это? — спрашивал я отца, показывая на Млечный Путь.

— Кучаи кахкашон, — отвечал отец.

Кучаи кахкашон дословно — улица, по которой возят солому. Млечный Путь — это скопище далеких мерцающих звезд — в народном представлении казался как бы соломой, высыпавшейся по дороге из мешка. Такие поэтические образы окружали меня с малого детства».

Великий исторический взлет, рождение содружества братских народов, новой исторической общности людей—советского народа—сделало для поэта близкими эти звезды и самые высокие помыслы всех людей труда на земле. «Индийская баллада», созданная в 1947 году после посещения Индии, — образец синтеза нового, интернационального содержания и великой стихотворной традиции. Поэт увидел подлинное торжество красок, вечное сияние весны, синеву неба Бенгалии, что «от зноя пламенеет, как рубин», и те социальные контрасты, что оставил этой земле еще не отступивший, не сброшенный в тот год с дороги истории колониализм.

Я счастлив... но мучаюсь мукой
другого народа.
Он в собственном доме стоит,
словно нищий у входа.
В далекую Индию, песня моя,
полети, —
Я верю, я знаю, что ты из
крылатого рода.
Индусское сердце приветом
и лаской обрадуй,
Ты губ опаленных коснись
долгожданной прохладой...

Великая и многообразная поэтическая традиция Рудаки и Джами, Хафиза и Саади одарила талант Мирзо Турсун-заде необычайной высотой духовной жизни, помогла, как это было и с А. Лахути — автором революционной поэмы «Кремль», — глубоко выразить грандиозные социальные, исторические сдвиги на родной земле, во всем былом Туркестане и на всех континентах, где народы порвали цепи рабства и угнетения.

Мирзо Турсун-заде внес в поэзию дыхание грозы, грохот исторических перемен, обновления. Широкий мир — от Памира до Ганга, от Гималаев до Нила — предстал в его стихах как бушующий океан, рушащий былые твердыни колониализма. Пылающие краски, вдохновенные интонации мужества, рокот гнева и радости, нежное, идущее от Хафиза искусство «из чашечки тюльпана пить вино воображенья», отношение к мраморному светочу Тадж-Магала и к огненным закатам над Гималаями — все есть в его «Голосе Азии», в «Индийской балладе». Сама пробудившаяся Азия встает в его лирике в богатстве своей тысячелетней культуры, утонченной мысли, фантастических храмов и одновременно в неудержимом революционном порыве:

К вам доносится Азии голос, —
Это мы говорим, азиаты,
Это рокот волны океанской,
Это вольности нашей раскаты,
Это Азия наша проснулась,
Чтоб за счастье народное
биться,
Это сердце ее встрепенулось,
Как свободу познавшая птица.
Вспоминаете строки Хафиза:
«Темной ночью плывем среди
моря
И завидуем тем, кто на суше,
Кто не ведает нашего горя...»?
Никому не завидуем ныне,
Мы не тонем в бурлящей
пучине...

Глубокий интернационализм помыслов поэта, пафос социалистического гуманизма отличают все стихи Мирзо Турсун-заде. Когда-то он сказал о своем великом «устоде», мастере, наставнике всех поэтов Советского Таджикистана Садриддине Айни, что в его душе

...светом был Омар Хайям,
То Саади пылал огнем строки,
То пламенел певучий Рудаки...

Но и его строки обожжены на огне, на поэтической энергии гениев далеких веков.

У Мирзо Турсун-заде нет тонов вялых, серых, невыразительных, ему всегда нужны наиболее чистые тона, контрастные цвета. В поэме «Дорогая моя» под безмятежными, почти воздушными линиями легких лирических признаний, извинений —

Дорогая моя, не сердись
на меня,
Неповинного мужа напрасно
браня.
Колесил, колесил я по шири
земной,
И опять я с тобой, я вернулся
домой —

обнаруживается величественная, драматичнейшая жизнь души поэта, осознающего себя защитником мира, сверкает мужество, огненная непреклонность.

Нет, мы счастья не ищем —
мы счастье творим,
Чтоб и легче и чище дышалось
другим.
Только дружбу мы ищем —
мы дружбу несем,
Чтоб цвела она в каждом
жилище людском.
Разве в крепость одна
превратится стена?
Разве в сад превратится
травинка одна?

В поэзии Мирзо Турсун-заде живет родной Таджикистан — колыбель его музы — во всей полноте своей судьбы. Родная долина, селение Гиссар, дети, выбежавшие в весенний мир, пылающий зеленью травы и багряными тюльпанами... Россия, «в чьем горячем сердце всем народам место равное нашлось...», Вахш, вскипающий желтой волной, и Волга. Поэт органически слит с той исторически сложившейся общностью людей — советским народом, — которая определяет ныне масштаб его мысли и чувства.

Не терплю одиночества!
Вместе, вместе мы будем:
Страстно этого хочется
звездам, странам и людям!
Не хочу одиночества,
не стремлюсь и к покою:
Капля с каплею сходится —
капли станут рекою.

Лирика Мирзо Турсун-заде, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, академика АН Таджикской ССР, связывает нашу социалистическую культуру со сражающимися за мир, свободу и социальный прогресс народами всего мира, прежде всего Азии, Африки, Латинской Америки. Звезды горят в душе поэта. В его строках самые светлые и благородные устремления людей, они укрепляют великое содружество и братство всех борцов за прекрасное будущее.

В. Васин. СТАДИОН «ДИНАМО». ФУТБОЛ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС».

Н. Федосов. ДРУЖБА НАРОДОВ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС».

В. Сидоров. ПОРА БЕЗОБЛАЧНОГО НЕБА.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС».

ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

ОНИ ШЛИ ПОД ОГНЕМ

Об отважном Камо написано столько книг, снято столько фильмов, что, казалось бы, тщательно собрано и изучено все, связанное с его подвигами. Но вот на даче в Заречье в одной из ивовых корзин обнаружена целая пачка документов:

В связи с «делом Камо» были арестованы и брошены в женевскую тюрьму святого Антония Вячеслав Алексеевич Карпинский и Николай Александрович Семашко...

Мюнхенский адвокат пишет от имени своей клиентки, схваченной в Германии, редактору газеты «Le Peuple Suisse» и просит сообщить о своем письме Ленину...

Товарищ, посланный Владимиром Ильичем к секретарю Международного социалистического бюро Камилю Гюисмансу в Брюссель, уведомляет Надежду Константиновну, что задание Ленина успешно выполнено...

Я изучаю эти документы — и сама история о Камо начинает раскрываться в ином, более ярком свете.

Но восстановим события в хронологическом порядке.

...13 июня 1907 года в департамент полиции поступила срочная шифрованная телеграмма: «Сегодня 11 утра Тифлисе на Эриванской площади транспорт казначейства в 350 тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов... Похищенные деньги за исключением мешка с девятью тысячами изъятых из обращения пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные аресты приняты. № 5657. Полковник Бабушкин».

И тут же следом:

«Депеше № 5657 цифра неправильна, проверкою установлено ограбление двухсот пятидесяти тысяч...»

И в департаменте полиции было заведено «Дело о нападении «злоумышленников».

В 1919 году в записке в Реввоенсовет Республики Владимир Ильич исчерпывающе охарактеризовал Камо как товарища, которого он знает досконально, «как человека **совершенно исключительной** преданности, **отваги** и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)...»

13 июня 1907 года Камо с группой верных товарищей по заданию партии совершил среди бела дня в самом центре Тифлиса — столицы наместника императора на Кавказе — невероятное по дерзости и отваге нападение на транспорт казначейства, следовавший из почтовой конторы в отделение банка под усиленной охраной наряда казаков и стрелков.

В то время как полиция, сбившись с ног, разыскивала дерзкого злоумышленника, в Петербург в железнодорожном вагоне второго класса ехал молодой человек невыразительной наружности, по внешнему виду — застенчивый студент, а на багажной полке ритмично покачивалась выставленная на обозрение круглая картонная шляпная коробка — и в ней были плотно, пачка к пачке, уложены кредитные билеты на общую сумму в четверть миллиона рублей. «Студент», сойдя с поезда, не устоял перед искушением продефилировать со шляпной коробкой по Фонтанке, мимо департамента полиции, а затем, протрусив в пролетке к Финляндскому вокзалу, взял билет до дачного поселка Куоккала, расположенного на берегу залива. Путь этот был ему отлично знаком: более года тому назад он тоже приезжал сюда. Тогда он играл в дороге роль не застенчивого студента, а шумного кавказца, угощавшего терпким вином всех попутчиков, и деньги хранились не в шляпной коробке, а под двойным дном бочонка с вином. Но, как и тогда, все деньги, до последней копейки, предназначались для боевого центра партии. Как тогда, так и теперь, Камо ехал в Куоккалу на встречу с Лениным.

Итак, шляпная коробка оказалась на даче «Ваза» в Куоккале, и все ее содержимое поступило в распоряжение боевого центра большевиков. 150 тысяч рублей — мелкими купюрами, 100 тысяч — новенькими банковскими билетами каждый 500-рублевого достоинства. Мелкие деньги решено было расходовать для закупок оружия и боеприпасов, создания лабораторий и типографий в России. Но вот что делать с 500-рублевыми билетами? Не лучше ли обратить их в валюту и истратить на нужды революции за рубежом?.. Такая идея показалась целесообразнее. Двести банковских билетов были зашиты в подкладку жилета, и большевик Мартын Николаевич Лядов, облаченный в этот жилет, выехал в Париж. Через некоторое время следом за Лядовым отправился и Камо, на сей раз перевоплотившийся в австрийского подданного Дмитрия Мирского, страхового агента.

Казалось бы, все предвещало успех. В России полиция окончательно потеряла след: из особого отдела канцелярии наместничества сообщали в Петербург, что нападение было совершено столь неожиданно и дерзко, что никто из очевидцев не в состоянии был определить ни числа нападавших, ни места, откуда были брошены бомбы, ни направления, в котором скрылись экспроприаторы; нападающие действовали так быстро, что сопровождавшие экипажи казаки и стражники их не разглядели. К тому же теперь казначейские билеты находятся вне России. Неведомо было большевикам — Камо, Литвинову, Лядову, руководителю боевой технической группы при ЦК РСДРП Красину,— что самый опасный и подлый враг находится не в России, а в Париже, рядом с ними — приятельски пожимает руку доверчивому Камо, дружески раскланивается с Лядовым, обсуждает детали намеченной операции с Литвиновым...

Четыре месяца спустя после экспроприации на Эриванской площади, в октябре 1907 года, из Парижа, от Гартинга, заведующего заграничной агентурой, поступило в Петербург на имя директора департамента полиции Трусевича секретное донесение. В нем сообщалось, что экспроприация была совершена большевиками Тифлисской организации РСДРП и что захваченные деньги предназначены для комитетов партии. В этом донесении впервые было названо имя руководителя экспроприации — Камо. Эти сведения были добыты одним из опаснейших провокаторов, засланных департаментом полиции в среду большевиков.

9 ноября во время обыска у Камо, остановившегося в Берлине, немецкие полицейские власти обнаружили чемодан, битком набитый запалами, механизмами для производства взрыва, образцами взрывчатых веществ. Улики налицо. Камо арестован и брошен в берлинскую тюрьму Моабит. Вопрос о выдаче его русским властям — забота дипломатов. Гартинг свое дело сделал. Он не сомневается, что два императора-кузена Николай и Вильгельм договорятся полюбовно и Камо будет передан царским охранникам.

Тем временем пронырливый провокатор разыгрывает в кругу большевиков сцены отчаяния в связи с арестом своего сердечного друга Камо и выведывает, что собираются революционеры делать дальше.

Об аресте Камо тотчас же было сообщено в Финляндию, в Куоккалу, Владимиру Ильичу. На дачу «Ваза» приехал и Литвинов. Он доложил, что деньги укрыты в надежном месте в Париже, в ближайшие дни можно приступить к обмену их на валюту западных стран. Очень тревожит арест отважного кавказца. Максим Максимович абсолютно уверен, что от него полиция не получит никаких сведений. Но самому Камо, если его выдадут в лапы царских жандармов, угрожает виселица. Ленин посоветовал Литвинову немедленно выехать в Берлин, встретиться с местными социалистическими деятелями, развернуть широкую политическую кампанию за освобождение товарища-революционера. Подобные же поручения он передал Лядову. Ленин просит Лядова также выехать в Берлин, встретиться там с Карлом

Продолжение. Начало см. № 17.

Либкнехтом, найти лучшего адвоката-социалиста и сделать все возможное для спасения Камо. В Куоккалу приезжает Красин — «Никитич». И ему Ленин поручает немедля отправиться в германскую столицу и попытаться добиться свидания с Камо в тюрьме.

Между тем в России все более свирепствует реакция. Щупальца департамента полиции тянутся в Финляндию. Большевистский центр решил: Владимир Ильич проберется в Швецию, в Стокгольм, там подождет Надежду Константиновну, которой надо было еще заехать на несколько дней в Петербург, и уже из Стокгольма они вместе выедут в Женеву.

Известно, с какими трудностями Владимир Ильич выбирался из Финляндии, как удалось ему скрыться от филеров и совершить переход по ломкому льду, пока он не сел на пароход, шедший в Стокгольм.

Несколько дней в ожидании Надежды Константиновны Владимир Ильич проводит в Стокгольме. Вот приезжает и она. Путь на Женеву — через Германию. 4 января они делают остановку в Берлине. Встречающий их на вокзале товарищ встревоженно говорит:

— На квартиру к кому-нибудь из наших идти нельзя. Вчера у русских политэмигрантов были обыски, арестованы семнадцать участников собрания социал-демократов. Это связано с делом Камо — полиция ищет его сообщников по тифлисскому эксу...

Надежда Константиновна и Владимир Ильич на всякий случай «очищаются» — уничтожают находящиеся при них письма. Целый день они ходят по городу из кафе в кафе. Вечер проводят у Розы Люксембург.

«В гостиницу, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта и напала на нас слабость какая-то. Как потом оказалось, мы, перекочевывая из ресторана в ресторан, где-то отравились рыбой. Пришлось ночью вызывать доктора. Владимир Ильич был прописан финским поваром, а я американской гражданкой, и потому прислуживающий позвал к нам американского доктора. Тот осмотрел Владимира Ильича, сказал, что дело очень серьезно, посмотрел меня, сказал: «Ну, вы будете живы!», надавал кучу лекарств и, почуяв, что тут что-то неладно, слупил с нас бешеную цену за визит. Провалялись мы пару дней и полубольные потащились в Женеву, куда приехали 7 января 1908 г. (25 декабря 1907 г.)».

Начиналась вторая эмиграция, которая была куда тяжелее первой.

Через несколько дней в Женеву, в небольшую комнатку на антресолях дома № 17 по рю де-Де-Пон, где поселились Ульяновы, зашел Литвинов. Вместе с Владимиром Ильичем он обсудил сложную ситуацию. Сейчас, после ареста Камо, действовать надо стократ осторожнее. Любой промах грозит опасностью для участников предстоящей операции. Но действовать все равно необходимо: деньги нужны партии, как никогда,— для вооружения боевых отрядов, для налаживания подпольных типографий, для спасения товарищей, организации побегов из тюрем, с каторги.

Максим Максимович обдумывает различные варианты: обменять ли всю сумму в одном городе, в одной стране или в разных странах, постепенно или одновременно? Кого привлечь к осуществлению операции? Опытных революционеров? Но они могут быть под наблюдением агентов политической полиции. Молодых партийцев? Хватит ли у них выдержки?.. Решено поручить дело и молодым и нескольким ветеранам, наиболее доверенным и менее известным полиции: «Виктору», «дяде Мише», «Ольге», «Отцову»... Кажется, учтено все. Но неизвестно большевикам, что «Отцов» (Я. Житомирский), член партии с многолетним стажем, пользующийся полным доверием товарищей-революционеров, на самом деле не кто иной, как давний секретный сотрудник царской охранки, провокатор «Ростовцев», он же «Данде», «Москвич», «Обухов», «Андре», уже выдавший Камо и неотступно следящий за другими большевиками. Истинное лицо этого «товарища» обнаружится лишь через десять лет, после победы Великого Октября, когда будут вскрыты совершенно секретные архивы департамента полиции и тайное перестанет быть тайным...

Литвинов встречается с участниками предстоящей операции и каждому дает конкретное поручение. Решено: обмен денег будет произведен одновременно, в один и тот же день — 21 января 1908 года — в различных городах Европы. Банковские билеты распределены между участниками операции — им предложено выехать в намеченные пункты.

Буквально в тот же день уведомленный «Отцовым»-«Ростовцевым» о плане большевиков Гартинг обдумывает контрмеры. Как не допустить обмена денег, а главное — воспользоваться такой редкой возможностью для ареста группы виднейших политэмигрантов-ленинцев? Русские рубли в руках большевиков сами по себе — это еще не улика. Как доказать, что это именно те, «тифлисские», деньги? Доказать можно только в одном случае: если известны номера экспроприированных билетов. Тогда надо будет оповестить через министерство финансов банки главнейших городов Европы — и деньги, а заодно и сами большевики будут задержаны при обмене.

И Гартинг отправляет в Петербург шифрованный запрос: «Необходимо номера пятисотенных кредиток, экспроприированных летом Тифлисе, сообщить срочно банкам Лондоне, Париже, Берлине, Вене. Большевики пытаются менять сто тысяч рублей. Лондон послан чиновник для разведок». Резолюция директора: «Особый отдел — исполнить немедленно».

Уже раньше всем охранным отделениям и банкам в пределах империи было сообщено из Тифлиса, что похищенные кредитные билеты пятисотенного достоинства имеют серию «А. М.» и номера от 62901 по 63000 и от 63701 по 63800. Теперь директор департамента спешит на доклад к министру внутренних дел, который в свой черед связывается с министром финансов.

«По моему распоряжению,— уведомляет министр финансов,— государственный банк циркулярно оповестил своих заграничных корреспондентов о намерении приступить к размену похищенных в Тифлисе кредитных билетов».

Тем временем министр внутренних дел обращается к министру иностранных дел с просьбой через русские посольства в Лондоне, Париже, Берлине и Вене предупредить правительства этих стран о возможности размена денег.

Неведомо большевикам, что против них брошена целая армия объединенных полицейских сил Франции, Германии, Швеции и Швейцарии...

18 января в 2 часа 30 минут пополудни (5 января по ст. ст.) Гартинг шифром отправляет в департамент полиции депешу: «Принятыми мерами Валлах задержан поличным. Телеграммой — детали». А уже в 3 часа 35 минут шеф заграничной охранки шлет в Петербург и «детали»: «...При нем найдены двадцать пятисотенных кредиток экса... Можно просить экстрадицию...» Гартинг сообщает, что вместе с Литвиновым арестована его помощница Ямпольская. На телеграмме директор департамента полиции делает пометку: «Предъявить требование о выдаче». Тем же часом поступает в Петербург срочная телеграмма из Германии: «В Мюнхене, Бавария, арестована сегодня утром студентка из Витебска, называющая себя Сарой Равич. Хотела менять билет 500 рублей серии А.М. № 63791. Заявляет, что приехала из Женевы, получила билет сегодня Мюнхене от неизвестного. Отказалась дать какие-либо другие сведения. Прошу узнать, должна ли Равич быть задержана в тюрьме. Полицейская дирекция Баварии. Диллман». Директор департамента полиции Российской империи тотчас отвечает в Мюнхен: «Господину Диллману. Задержите тюрьме Сару Равич».

Через два часа — еще одна телеграмма от Диллмана: «По делу ограбления в Тифлисе, кроме Равич, задержаны в Мюнхене Баварском Тигран Богдасарян и Миграм Ходжамирян, прибывшие из Парижа. У них обнаружены семнадцать билетов по 500 рублей серии А.М.063771—063780 и 063784—063790...» Ответ из Петербурга: «Задержанный Париже Меер Валлах привлечен следователем качестве обвиняемого по 13.1630, 1632 и 1634 статьям Уложения о наказаниях Российской империи. Так же поступлено арестованными Мюнхене Сарою Равич, Тиграном Богдасаряном и Миграмом Ходжамиряном. Требование выдачи судебными властями предъявлено».

Телеграмма из Швеции: «В Стокгольме задержан лифляндец Ян Мастер, пытавшийся разменять пять пятисотрублевых билетов...» Ответная — императорскому генеральному консулу барону Кюстриху: «Снеститесь с шведским правительством о заключении в тюрьму до получения документов о выдаче его».

Срочное сообщение из Швейцарии: «В Женеве задержан некий Николай Семашко... состоящий, по-видимому, в связи с Сарой Равич. Последняя пыталась предупредить Семашко секретным письмом о своем задержании и сделанных ею в Мюнхене показаниях...» И следом: «Нота федерального департамента полиции и юстиции в Императорскую русскую миссию в Берне. Федеральный Департамент Юстиции и Полиции имеет честь известить Императорскую русскую миссию, что... две телеграммы, посланные Мюнхенской полицейской дирекцией, побудили женевскую полицию приступить к розыску по этому делу в Женеве... Вследствие этих телеграмм женевская полиция временно арестовала некоего Карпинского Вячеслава... Федеральный департамент предложил женевским властям конфисковать всю переписку, которая может прибыть на имя Равич, произвести обыски у всех заподозренных лиц и арестовать лиц, которые покажутся подозрительными... Департамент просит Императорскую миссию сообщить предложения, которые она найдет нужным сделать по этому делу и препроводить в возможно скором времени нужные документы сообразно трактату о выдаче..., имеющемуся между Россией и Швейцарией».

Гартинг, со своей стороны, доносил Трусевичу: «Из только что полученных сведений усматривается, что задержанные в Мюнхене, помимо Равич, два редактора журнала «Радуга» Ходжамирян и Богдасарян находились ранее в сношениях с Камо (Мирским) и виделись с Валлахом при его последней поездке, и несомненно, что отобранные у них кредитные билеты были им переданы Валлахом. Прошу ваше превосходительство принять уверения в моем глубоком уважении...»

Шеф заграничного сыска торжествовал: его хитроумный план блестяще осуществлен. Выдача группы видных большевиков на растерзание двуглавому орлу — дело считанных дней. Такое же настроение царило и в Петербурге. Премьер, он же министр внутренних дел империи Столыпин доложил о выдающемся успехе подведомственной ему охранной службы Николаю II.

БОЙ САМОДЕРЖАВИЮ

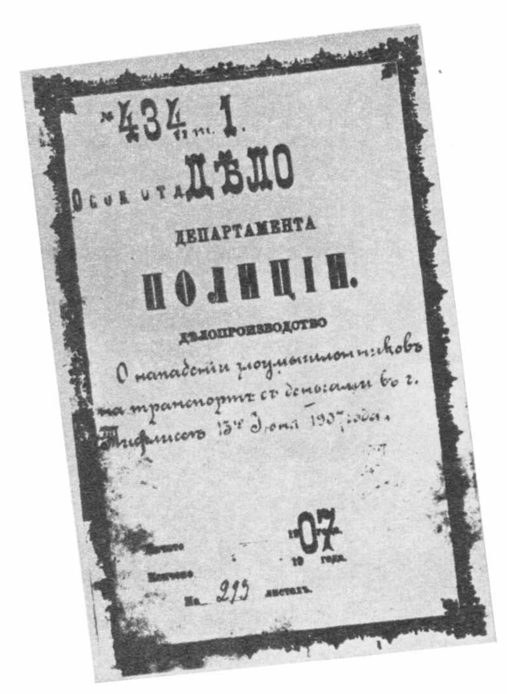
Однако самодержавие заблуждалось, уповая на всесилие российской политической полиции. Оно не учло решимости эмигрантов-большевиков во главе с Лениным дать бой реакционным силам во имя спасения своих товарищей по партии. Оно не учло также солидарности с русскими революционерами социалистических и демократических сил Европы, прежде всего Франции.

По поручению Владимира Ильича адвокатом для защиты Литвинова и Ямпольской был приглашен один из крупнейших парижских юристов, депутат французского парламента от социалистической партии Вильмс. С запросом к премьер-министру обратился лидер французских социалистов Жорес. Газета этой партии «Юманите» заявила министру юстиции Бриану: «Мы не можем не протестовать и спрашиваем г-на Бриана, по какому праву был произведен арест этих двух лиц? Простого письма царского посла недостаточно, чтобы узаконить этот акт... Что об этом думают г-н хранитель печати, г-н министр внутренних дел, президент Совета? По-видимому, ничего. Однако следует положить всему этому конец!..»

Газета «Ла пти Репюблик», спрашивая, «по каким причинам продолжается следствие и держат под замком двух обвиняемых? Не является ли это результатом требования экстрадиции, исходящего от русского правительства?» — сама же и отвечала: «Речь идет о чисто политическом выступлении. Французское правосудие и полиция не будут содействовать усилиям тайной полиции, которую Россия содержит в Париже для преследования политических эмигрантов, приехавших во Францию в поисках убежища».

Начался поединок. Казалось бы, силы в нем были заведомо неравны. С одной стороны, небольшая группа эмигрантов-большевиков, не располагающая никакими финансовыми средствами, и поддерживающие ее немногочисленные демократические круги европейской общественности. С другой — все политическое и экономическое влияние необъятной Российской империи, подкрепляемое страхом европейской буржуазии перед собственными и особенно русскими революционерами. В Женеве, например, в связи с арестом Семашко, Карпинского, Литвинова и других большевиков газеты под огромными заголовками начали писать о кавказцах-экспроприаторах, о русских, захватывающих транспорты казначейства, скупающих бомбы; об арестах злоумышленников-иностранцев в самом городе... И Женева пришла в смятение, ее охватил трепет.

«Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть,— вспоминала Надежда Константиновна Крупская.— Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичем ходили обедать. Когда к нам пришел в первый раз живший в это вре-

№ 434 1

Особ. отд. ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО

О нападеніи злоумышленниковъ на транспортъ съ деньгами въ г. Тифлисѣ 13-го Іюня 1907 года.

1907

Начато

Кончено

На 219 листахъ.

13 июня 1907 года в департаменте полиции было заведено «Дело о нападении злоумышленников на транспорт с деньгами».

«Страховой агент» Мирский — легендарный Камо, Семен Аршакович Тер-Петросян.

мя в Женеве Миха Цхакая, самый что ни на есть мирный житель, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь».

Ленин стал принимать самые энергичные меры, чтобы добиться быстрейшего освобождения Карпинского и Семашко. «Владимир Ильич развил необычайную энергию: пригласил одного из виднейших швейцарских адвокатов, кандидатура которого выставлялась тогда в президенты республики; внимательно следил за делом»,— писал позднее Николай Александрович Семашко.

А в эти же самые дни в Париже решалась судьба Литвинова и Ямпольской. Возмущение демократической общественности Франции было всеобщим: неужели правительство республики решится на такой позорный поступок — выдаст борцов против кровавого самодержавия на расправу Николаю II? В кабинете самого премьера Клемансо расчетливо взвешивали все «за» и «против». Собственно, «за» не было, только «против»: если выдать революционеров России, разразится буря возмущения во Франции; если освободить — рассвирепеет двуглавый орел... Дьявол их побери, этих иностранных резидентов политической полиции! Вечно втравливают в пакостные истории, из которых не выпутаешься! Нет ли какого-нибудь третьего варианта, чтобы можно было и невинность соблюсти и политический капитал не растрясти?..

Взбешенный Гартинг диктовал шифровальщику прямо на ленту: «По политическим соображениям секретно решено освободить и выслать Валлаха и Ямпольскую из Франции до получения требования экстрадиции. Высылка Англию состоится ночью... Посол предупрежден лишь мною».

Тотчас из Петербурга отстучали: «Благоволите задержать освобождение. Судебные требования о выдаче предъявляются».

«Задержать невозможно. Решение принято».

«Сообщите, кем решено и чем объясняется. Директор...»

Чем объясняется? Легко из Петербурга задавать вопросы! Тем и объясняется, что здесь социалисты разгуливают на воле и даже заседают в парламенте, что после расстрела 9 января пятого года и подавления бунтов, сотрясавших в минувшие годы Россию, эти республиканцы ненавидят самодержавие и самого российского императора!..

Гартинг приступил к составлению ответной депеши: «До сих пор (7 часов вечера) императорский посол еще не извещен французским правительством о решении, принятом министерством по отношению к Валлаху, хотя Валлах был осведомлен о своем освобождении еще утром... Нельзя не сожалеть, что из партийных соображений французское правительство решилось на такую невероятную меру. Министры юстиции и внутренних дел поспешили ликвидировать вопрос о Валлахе до получения официального запроса русского правительства под влиянием лидеров социалистических партий...»

УДАР В СПИНУ

Казалось, вызволить из тюрьмы Карпинского и Семашко гораздо легче, чем Литвинова: никаких улик у женевской полиции быть не может. Стоит лишь подтвердить, что оба они ветераны социал-демократической партии, политические эмигранты (именно поэтому-то царское правительство добивается их выдачи). Оптимистически был настроен и адвокат. Он попросил только представить это подтверждение как можно скорее. Но такого свидетельства, подписанного В. И. Лениным, кантональному суду было недостаточно: потребовался документ, исходящий из Международного социалистического бюро II Интернационала. Владимир Ильич направляет письмо в это бюро. И вдруг — ударом ножа в спину — заметка, опубликованная в швейцарской столичной газете «Бернер Тагвахт»: «З а я в л е н и е. В некоторых газетах можно было прочесть, что д-р Семашко, недавно арестованный в Женеве, был делегатом в Штутгарте от женевской группы русской социал-демократии. В опровержение этого я заявляю, что д-р Семашко не являлся членом русской секции на упомянутом конгрессе и никакого делегатского мандата не имел. Он участвовал на конгрессе только в качестве журналиста». И подпись: «Л. Мартов, делегат русской социал-демократии на Штутгартском конгрессе».

Ленин возмутился. Он тотчас пишет Максиму Горькому на Капри:

«Дорогой А. М.!

Пишу Вам по двум делам.

Во-1-х, по делу Семашко. Если Вы **не** знаете его лично, то Вам не стоит вмешиваться по нижеследующему поводу. Если знаете, стоит.

Л. Мартов поместил в Бернской с.-д. газете «заявление», где говорит, что Семашко не был делегатом на Штутгартском конгрессе, а просто **журналистом.** Ни слова о его принадлежности к с.-д. партии. Это — подлая выходка меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму. Я уже послал свое официальное заявление как представителя РСДРП в Международное бюро. Если Вы знаете Семашко лично или знали в Нижнем, то **непременно** напишите тоже в эту газету, что Вас возмущает заявление Мартова, что Вы лично знаете Семашко как с.-д., что Вы убеждены в его непричастности к делам, раздуваемым международной полицией».

Но почему же меньшевики, и вообще-то отличавшиеся вероломством, совершили новый акт предательства, оказались невольно или вольно союзниками царской охранки? Надежда Константиновна так объясняла позицию этих «товарищей»: «Меньшевики осуждали Московское восстание 1905 г., они были против всего, что могло отпугнуть либеральную буржуазию. То, что буржуазная интеллигенция отхлынула от революции в момент ее поражения, они объясняли не ее классовой природой, а считали, что ее напугали большевики своими методами борьбы... Большевики, по их мнению, отпугнули либеральную буржуазию. Необходима была борьба с большевиками. В этой борьбе все средства были хороши».

Вот какими причинами, а отнюдь не забывчивостью, было продиктовано пресловутое «заявление» одного из столпов меньшевизма против Николая Семашко. «Подлость тут в том,— подчеркивал в заключение своего письма Горькому Владимир Ильич,— что косвенно якобы отряхается прах, отрекается социал-демократия от Семашко!»

Дело было не только в ненавистной меньшевикам фигуре верного ленинца—воспользовавшись всеевропейской шумихой, поднятой полицией, они хотели отпугнуть от большевиков социал-демократов в других странах. Спустя несколько недель после выступления Мартова в «Бернер Тагвахт» другой лидер меньшевиков, Павел Аксельрод, на сей раз конфиденциально, в письме, адресованном Плеханову, излагал целую программу использования этой кампании для дискредитации большевиков в глазах иностранцев. Аксельрод предлагал Георгию Валентиновичу составить на эту тему специальный доклад, перевести его на немецкий и французский языки, разослать в правления европейских социал-демократических партий, всем крупнейшим оппортунистам в международном социалистическом движении, в само Международное социалистическое бюро. Однако, надо полагать, Плеханову это дело показалось чересчур грязным — дальнейшего развития сия махровая программа не получила.

Большевики во главе с Лениным продолжали борьбу. Владимир Ильич выехал в Францию, выступил на заседании парижского бюро социал-демократической группы, которое собралось, чтобы выразить протест швейцарским властям против ареста Семашко и Карпинского.

Большинство документов, связанных с «делом Камо», было обнаружено мной в архивах департамента полиции, хранящихся в ЦГАОР [1]. Содержимое объемистого пакета, найденного в одной из ивовых корзин на даче Карпинского, помогло дополнить картину. Заключение Семашко и Карпинского в «пансион святого Антония» (так в горькую шутку назвали они женевскую тюрьму) было непосредственно связано с арестом в Мюнхене Равич и двух других большевиков — участников обмена денег. Охранка не хочет выпускать из рук добычу. Гартинг приезжает из Парижа в Женеву и уже отсюда связывается с Петербургом, с директором департамента полиции: «Поспешаю уведомить вас, милостивый государь, что предварительное задержание Карпинского, арестованного в Швейцарии, может быть продолжено лишь в том случае, если в течение трех недель со дня задержания швейцарским властям будет сообщено постановление наших надлежащих властей о взятии Карпинского под стражу». И крутится колесо самодержавной машины: из департамента — министерству внутренних дел, от него — в министерство юстиции, из министерства юстиции — в Тифлис, по месту следствия...

Прокурор Тифлисской судебной палаты отвечает: «Постановление о привлечении под стражу Карпинского сообщено министерству юстиции 17 января». И снова — уже о Семашко: «Требование о выдаче Семашко препровождено в министерство юстиции 21 сего января...»

Под давлением царского правительства женевские полицейские власти допускают заведующего российской заграничной агентурой к обследованию вещей и документов, обнаруженных у Карпинского и Семашко. Но как усердно ни ворошит бумаги Гартинг, как ни старается уловить «нечто между строк», как ни прощупывает подкладки их бумажников, ничего компрометирующего обнаружить не может. В шифровке на Фонтанку он вынужден признать: «Осмотр мною их бумаг в Женеве ничего интересного не обнаружил. Очевидно, очистились заранее. Швейцарские власти будут вынуждены их освободить, если в департаменте нет против них других данных сего дела».

Неужели не смогут что-нибудь там сочинить? Что-нибудь поубедительнее, построшнее? Ведь там целый огромный аппарат, тысячи чиновников, свои фальшиводокументщики и фальшивомонетчики, и лжесвидетели, и кого только нет еще! Но, видимо, российские власти не хотят выставлять свою крапленую продукцию на придирчивый швейцарский суд, хотя и продолжают настаивать на выдаче «злоумышленников»: Российское министерство иностранных дел поручает императорской миссии в Швейцарии «настоять на продолжении ареста Карпинского и других задержанных лиц».

Окончание следует.

[1] ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.

ОБ ИВАНЕ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

РАССКАЗ

Завод строят у подножия таежной сопки, которая наподобие мягкого купола накрыла собой мощные пласты высокоценного минерала.

Первые партии строителей были доставлены сюда на вертолетах. Они высаживались на будущей площадке, как десантники.

Теперь по просеке, прорубленной в таежной чаще, гусеничные тракторы, запряженные в сани, сваренные из стальных балок, волокут сюда многотонные металлические доспехи оборудования.

И сейчас, я думаю, правильнее сказать, что завод не строят, а точнее, его только собирают, монтируют из огромных членистых суставов агрегатов, гигантских емкостей и сотен километров труб самых различных диаметров.

Несколько месяцев назад этот завод можно было увидеть уже в готовом виде.

Весь он размещался на стеллаже в лаборатории научно-исследовательского института и был изваян главным образом из стекла.

Иван Фомич Выползков, бригадир комплексной бригады конторы спецтехмонтажа, перед выездом на стройку посетил научно-исследовательский институт.

Усевшись на высокий белый табурет, он долго в печальной задумчивости созерцал хрупкое сооружение будущего химического завода, исполненное в стеклянном варианте.

— Ну как? — спросили его.

Иван Фомич вздохнул, сказал:

— Ювелирная работа, умственная красота! Но, извините, обучен в металле соображать. Мыслю в тоннах, в габаритах, в подъемных средствах.

Весь фокус, где мне тут с крановым хозяйством разместиться?

Вот, скажем, эта штучка — компрессор. Вы ее тут тремя перстами куда хотите передвинете. А мне для того, чтобы то же самое проделать, одних силенок потребуется в лошадином исчислении полтысячи.

Жалобно попросил:

— Покурить разрешите? Я еще посижу — помечтаю, где самая большая морока, неприятности.

Прощаясь, сказал:

— Сердечно за все вас благодарю. На фронте тоже такой, как у вас, обычай был. Ящик с песком, в нем модель местности, на ней комсостав предстоящие боевые действия прикидывал.— Строго пояснил: — Главнокомандующий в каждом деле кто? Ум, правильно нацеленный. Из всего опыта жизни я лично так считаю.

Как всякий человек, в совершенстве постигший свою профессию, Иван Фомич чувствовал себя при всех обстоятельствах прочно и поэтому свои душевные силы расходовал экономно, расчетливо, даже в те критические моменты, когда горячиться и волноваться вполне допустимо и оправданно.

Бригада Выползкова была молодежная, или, как он выражался, «из петушиного племени».

Когда при монтаже отдельные детали не состыковывались и их приходилось подвергать слесарной обработке, что вызывало справедливое возмущение у сборщиков, Иван Фомич терпеливо внушал:

— На летучках буйствуйте — это правильно. Но во время работы всякая раздраженность на культуре труда отражается, тут я возражаю. Сорокин Паша почему смирный? А потому, что заранее, перед тем как в смену вступить, все детали промерит, выверит, послесарит, где надо — подшабрит. И что в итоге? На работе как глухонемой!

Подняв палец, Иван Фомич заявил внушительно:

— Морально-психологическая устойчивость в нашем деле — высшая квалификация.

Но если монтажник за кувалду хватается, значит, нервы у него сдали. Слышал, как вы тут ей бацали, когда кожух не налезал. Ну что мне с вами делать? В медпункт отправить, как неврастеников,—и усмехнулся вызывающе.

— Что ж, по-вашему, заводу-изготовителю все прощать, если они там нормативы точности не соблюдают, а нам за них страдать?

— Ты подожди про завод,— сурово перебил Выползков.— Давай про кожух поговорим. Он почему не налезал — от закона физики. Вещь габаритная, ее долго на морозе держали, от низкой температуры что с металлом происходит? То-то же. Прогрели б мангалами с горящим углем. Кожух сразу и наделся. Значит, не только нервов, а и ума у вас не хватило.

— Чего же не подсказали?

— На одних подсказках разве вас выучишь,— вздохнул Выползков.— Надо на фактах. Вот я действительно сильно страдал, когда вы за кувалду брались. Как же так, думаю, такие грамотные, а к первобытному, грубому инструменту прибегли. Очень сильно переживал. Да уж ладно, раз конфузитесь, значит, дошло.

Произнес кротко, задумчиво:

— В Ленинграде, помню, в блокаду на заводе судовой вал обтачивал. Цех, понятно, не отапливался. В холоде работали, все равно, как на улице. Делаю замеры. Все! Можно сдавать флотскому представителю.

А инженер приказывает еще стружку снимать. Выходит, вал запороть?! Категорически отказываюсь. При этом всякими угрожающими словами бросаюсь. Инженер наш в дистрофиках официально числился. Рассуждать ему со мной было трудно, оттого что все зубы у него болели и шатались. После работы он обычно в заводском медпункте отлеживался. Там и ночевал от бессилия домой ходить, а тут молча повел он меня к себе в замерзшую квартиру, снял с этажерки книгу в инее.

— Вот,— говорит,— Выползков, возьмите школьный учебник физики покойного сына, читайте.

Загнул специально страницу, чтобы я по всей книге не мучился. Сел на заиндевевший снегом диван, закрыл глаза. От подъема по ступеням на пятый этаж еле дышит.

Пришлось мне его на детских санках обратно в медпункт отвозить, и пока его выхаживали, за ночь коленчатый вал доработал.

Инженер утром замеры произвел. Одобрил, потом спросил:

— Не стыдно, Выползков, законы физики забывать?

— Я, Евгений Михайлович, не законы забыл. Я про то забыл, что температура в цеху на обработке больших габаритов сказывается. Люди притерпелись, привыкли, а вот металл ежится.

Тут Евгений Михайлович улыбнулся. Увидел я его синие, опухшие беззубые десны, потупился, а он меня по плечу ладошкой похлопал.

— Не смущайтесь,— говорит,— Выползков, вы еще молоды, с жизнью опыт придет. И что я вам от себя, ребята, скажу: эпоха сейчас для вас такая пришла, когда не на трудностях приходится вас воспитывать, а на основательности ума, чтобы вы все его извилины знаниями могли свободно углублять и с толком пользоваться.

На производстве Выползков держал себя перед монтажниками степенно, выдержанно. Но вне рабочего участка Иван Фомич сильно донимал руководителей стройки претензиями:

— Что ни день — совещание, и каждый докладывает длинно о выполненных работах и совсем коротко о невыполненных. А надо наоборот.

Партия по-научному велит руководить. Вот сделать макет стройки и для наглядности на нем все доказывать. Снабженцы где арматуру свалили? Там, где крану место. Ставят стеновые панели без отверстий для трубопроводов. Придется со стремянок их пробовать, а на макете все можно заранее указать. Есть даже такая теория — моделирование. На практике от нее польза...

Как это часто бывает, оборудование доставлялось на стройку с перебоями, не в той очередности, в какой следовало, и некомплектно.

Одни винили начальство, другие — погодные условия, отдаленность, третьи — нехватку грузчиков на перевалочной базе.

Выползкову приходилось перебрасывать свою бригаду монтажников с одного незавершенного объекта на другой, что вызывало справедливое недовольство.

Иван Фомич покорно соглашался:

— Правильно реагируете, ребята. Безобразие! Нужно чутко предвидеть пургу, буран, заносы и прочие отрицательные факты, чтобы вам фронт работ и высокую зарплату твердо обеспечить. Моя вина — сознаю: согласился на неподходящий кли-

ФОМИЧЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

мат. Надо бы в Крым проситься. Насосную станцию монтировать. Там и загореть можно, и фрукты, и пляж. Ваши молодые организмы беречь надо.

— Ну это вы зря...

— Почему зря? Вот если бы вы рассуждали о том, как непредвиденное самим на дальнейшее предвидеть, своим умом выкручиваться, разве я бы вас Крымом обзывал, да никогда,— произнес сердито: — Вы спросили Васю Топоркова, почему он от нас в транспортную колонну ушел? За длинным целковым погнался? Нет. Он тут в мастерских трелевочный трактор усмотрел, отремонтировал и теперь на нем с перевалочной базы нам оборудование тяжелое возит. Видали, как трелевочный трактор своим подъемником сам на себя целые пачки стволов деревьев наваливает и волочит, словно танк по целине? Так вот, Топорков на перевалочной базе без грузчиков обходится, опытный такелажник, металл не бревно, деликатного обращения требует. Вот он и берет габариты самопогружающим устройством и нам доставляет.— Произнес наставительно: — Человек обязан вокруг себя широко умом шарить, конструктивно соображать. Тогда он заметная личность.

— Это вы ему, наверное, приказали!

— Что значит приказал?! — сухо оборвал Выползков.— Посоветовал! — Осведомился тревожно: — Если презирать после не будете, расскажу про себя случай. Приказал мне комбат доставить и установить новые орудийные стволы на береговой дальнобойной батарее. Волокли мы их на санном прицепе — танком со снятой для облегчения башней. Доставили на огневую позицию, а там не то что деревца нет, одни обледенелые скалы да галька. У меня какое звание? Старшина. Считал, не приказал комбат подъемные средства прихватить, ну я их и не погрузил.

— И что получилось?

— Огневые расчеты от бомбежек в блиндажах в четыре бревенчатых наката спасались. Но я про эти накаты не догадывался, да если б и догадался, разве посмел бы просить!

Артиллеристы увидели, как я от своей глупости тоскую, сами свои блиндажи разорили. Соорудили мы из бревен покатую платформу, по ней орудийные стволы втащили прямо на станины.

Зима в Заполярье серьезная, все живое насквозь промораживает. Без кровли в блиндаже не отогреешься. Ну и на случай бомбежки защиты нет. И все отчего получилось? Считал: старший по званию должен за меня думать. Считал: всей жизни не хватит, чтобы перед огневиками оправдаться. А мне — благодарность. Моему комбату взыскание. А кто виноват? Я. Без солдатского самосоображения даже самому умному генералу боя не выиграть.— Спохватился: — Вы только не думайте, я не из-за вашей критики в мемуары кинулся. На всякую критику я выносливый. Но надо, чтобы она ум раздражала, а не печенку, не нервы трепала, а была прицельной в существенную точку.

Самое трудное и сложное предстояло бригаде монтажников Выползкова — поднять и водрузить на фундаменты многотонные цельносваренные стальные башни-колонны.

Сразу по приезде на стройку Иван Фомич разложил у себя в номере гостиницы на полу купленные в детском магазине «Мир» игрушечные наборы «Конструктор». Из этих крохотных деталей он собрал модели кранов, подъемников, лебедок и прочих механизмов, все это он расставил в том порядке, в каком по схеме предназначалось производить подъем и установку башенных сооружений.

Долгими вечерами просиживал он на стуле, уставившись в игрушечное свое хозяйство. Курил, вздыхал, наклонившись, недоверчиво шатал пальцем какую-нибудь хрупкую штучку, изображающую стрелу крана, болезненно морщился, и на лбу его выступали капли пота, которые он машинально вытирал тыльной стороной ладони.

Раскатывая на столе рулоны с чертежами, он сверял их с тем, что расставил на полу, а иногда на чертеже делал пометки в виде вопросительного знака. И тут же на краю чертежного листа решал какие-то свои задачки, прибегая к помощи логарифмической линейки и даже к простым канцелярским счетам. На стене он повесил барометр. За окном установил вертушку ветромера, термометр. На высунутой в форточку доске следил за величиной выпавшего снежного покрова.

Вел он свои наблюдения тщательно, хотя регулярно получал метеосводку со всеми необходимыми ему данными.

Как-то он зазвал к себе монтажников, велел стать у стены, чтобы не наступили на хрупкое сооружение. Сам присел на полу на корточки. Повелительно приказал:

— Глядите, воображайте и соображайте.

Спросил:

— Картина ясная? Где краны, где лебедки, рельсобалочная платформа? А вот эти долговязые штуковины — башни... Теперь молчу. Прикидывайте сами в своем уме всевозможные аварийные случаи, неполадки. Учтите: дневное светлое время здесь куцее. Метеосводкам мало доверяю. Самый правильный прогноз — любую пакость погода учинить может в ответственный момент.

Сконфузился:

— На этом окончательно смолкаю. Сами соображайте. Схемы вон на столе. Желающие могут в них глазами пошарить.

Иван Фомич Выползков чрезвычайно чутко, даже иногда нервозно, прислушивался к мнению общественности, касающемуся его личности. Но именно к той части общественности, которая состояла из людей, понимающих монтажное дело, обретших в нем свое пожизненное призвание.

Когда Выползков, бывало, принимал у себя дома выездного механика-наладчика завода тяжелого машиностроения Захара Гавриловича Ковалева, низкорослого, плешивого, сутуловатого человека, но с сановным выражением костлявого лица, украшенного очками с затемненными стеклами, Иван Фомич суетился так, что в поведении его можно было усмотреть даже некие признаки заискивания, подхалимажа.

Усадив Ковалева во главе стола, радостно оглядев гостей, Иван Фомич торжественно провозглашал первоочередной тост за здоровье и успехи Захара Гавриловича Ковалева. Затем, деятельно участвуя в рассуждениях за столом, по тайному мнению Ивана Фомича, о предметах незначительных, он настойчиво, терпеливо вызывал на разговор самого Ковалева и даже позволял себе шикать на кого-нибудь из гостей, кто недостаточно внимательно прислушивался к словам Захара Гавриловича.

Чтобы возбудить Ковалева на разговор, Иван Фомич как-то заявил с притворным негодованием:

— Очень сильно сейчас молодежь набалованная. Подавай ей только самоновейшую технику, и никаких гвоздей...

Ковалев отложил вилку и нож, вытерев губы бумажной салфеткой, сообщил:

— Налаживал я недавно трубопрокатный стан с дистанционным управлением. Большая насыщенность автоматики, электроники. Приборов в будке оператора на пульте управления не меньше, чем в реактивном самолете. Провожу первый испытательный прогон. Момент наиответственнейший, волнующий. А где мои ребята? На линии отсутствуют! Набились все в будку оператора, уставились на приборы и будто меня нет. Не существует меня. Ждут только от приборов указаний, команды. Так ты что думаешь, обиделся я за свой авторитет? Никак. Даже положительно оценил — в электронику прочно верят. Понимают.— Поежился, признался неохотно: — Я человек, сам знаешь, горячий. Могу при неполадках на человека накричать. А тут сами приборы бесшумно, но со всей строгостью сердито указывают, где момент трения в подшипнике превышен, синхронность в доли секунды нарушена и так далее. Выбегают мои ребята из будки на линию точно к тому узлу, который в переналадке нуждается. Тут я согласный. Авторитет самоновейшей техники для них выше авторитета даже такой личности, как я. Но! — Ковалев поднял указательный палец, оглядел уважительно, заявил: — Но у каждого плюса есть свой персональный минус.

Заметил я: крышевой кран замедленно принимает заготовку с первой клети. Терялась на этом секунда.

Решил: кран освободить от задачи полосы в клеть, передать эту операцию приводному рольгангу, у входа в калибр поставить направляющие линейки. Выигрыш две-три секунды на каждом слитке. В проекте такое не предусмотрено. Обсудил с заводским руководством — одобрили. Но производить реконструкцию отказался, пока автор проекта не даст своего согласия.

И тут у меня с моими ребятами конфликт. И в перестраховке упрекают, и в бюрократическом подходе, и даже в неверии... Но я на своем стою твердо. Послал вежливую телеграмму в проектный институт.

Получил ответ с согласием и пакет с новыми расчетами увеличения скорости всей линии.

Со всей моей солидностью пояснил ребятам: любая новая техника свой человеческий адрес имеет. Без человека она кто? Металл, который сам себя совершенствовать не может. Техника грубости в обращении не терпит, а человек еще больше грубость не переносит.

Конечно, можно было сразу всю эту малую реконструкцию произвести без согласия автора. Но что получилось бы? Нанесли урон самочувствию творческой личности. Если глубокомысленно прикинуть, эта автоматическая линия самоновейшая только временно. Любая техника нынче моральному устарению подвержена. Какое лекарство? Высоко признавать над собой не технику, а человека, который ее создал! Тогда он в смелой радости еще более самоновейшее выдавать будет. И безымянности в технике не должно быть. Надо на ней не только плашки с названием завода-изготовителя ставить, но и авторов, которые ей свою душу придали. На этом азарте молодежь и воспитывать. Чтобы она не просто голую технику почитала, а человеческие выдающиеся личности, ими восхищалась.— Наклонившись к соседке, Ковалев осведомился:

— Если я позволю себе закурить, не возражаете?

Такелажник Паусов, могучего сложения, обладатель густого баса, сердито заметил:

— Что же, по-вашему, рабочий человек не может без реверанса свое предложение внести? Да я больше любого инженера соображаю, когда дело касается большого габарита, как его ловчее взять...

Ковалев долго, тщательно заминал сигарету в пепельнице, потом ответил:

— Я очень цирк обожаю. Особо акробатов под куполом. Недавно умопомрачительный номер глядел. Даже за кулисы полкило «мишек» им отнес, от восхищенья. Разговорились. Говорю, как это вы такую смертельную смелость себе позволяете? Они ребята славные, узнали, что монтажник. Развернули чертежи, схемы, расчеты, которые им инженер составил по их трюковому номеру со строгим учетом техники безопасности. Проверил. Все правильно. Надежно. Согласовано с законами механики. Вот вам и акробатика.— Спросил строго: — Дошло или нет?

— Выходит, у кого диплом, тот и главнокомандующий? — раздраженно бросил Паусов.

— Диплом дает не должность, знания.

— Я троса понимаю получше, чем какой-нибудь с дипломом лауреата струны в своем рояле,— похвастал Паусов.

— Такелажнику и положено.

— Положено! Когда груз предельный на гаке висит, у меня весь живот в спину влезает, дыхания нет. Будто штангу тяну не по возможности и вот-вот от бессилия себе на ноги ее уроню.

— Эмоция правильная,— одобрил Ковалев.

— Безобманная. С большой точностью вес на тросах, всей своей личной нервной системой чувствую.

— Бывает с детства дар...

— Зачем. Практикой достиг. Годами!

— Но студент даже со второго курса, без всяких таких чувств на бумажке карандашом все подсчитает и наперед скажет, как поведет себя трос с определенным грузом.

— Не скажет!

— Почему?

— Не успеет. Расчеты в цифрах составлять я сам наловчился. А вот если отклонение? Скажем, рванет шквальный ветер, как даст по висящему на тросах габариту, качнет его, он, как танк, может по любому предмету вмазать. Тут нужно в одно мгновение все сообразить, оттяжку на габарит накинуть, кранцы подложить. И все на скоростях, как в цирке. Это только на стандартных грузах скучаешь. А если габарит уникальный, высокоценный? Ночь не спишь — соображаешь, всевозможные случаи прикидываешь. И какой на них лучше свой прием применить...

— От опытности такелажника мы сильно зависим,— примирительно согласился Ковалев.— Но насчет того, что у вас в этом особый дар, тут я настаиваю.— Поднял рюмку, поглядел поверх ее в глаза Паусова, произнес почтительно:

— За ваши успехи.— И чуть пригубил.

Как все настоящие мастера, в своем деле Ковалев тщательно заботился о своем здоровье. К пище относился осторожно, ел умеренно, утверждал: таскать на себе такую излишнюю тяжесть, как брюхо, могут позволить себе только те, у кого телосложение крепкое. Но на такое пустое занятие у меня излишних физических ресурсов не имеется.

По поводу подъема цельносваренных колонн-башен Иван Фомич советовался с Ковалевым.

Ковалев сказал:

— Я тебе, Иван, одно могу присоветовать: учти морально-психологический фактор. Операция уникальная. Соберутся люди со всей стройки. Зрелище, конечно, выдающееся. Но на нервы такая обстановка будет действовать, на кого положительно, а на кого отрицательно, значит, возможно при этом всякое отклонение.

Каждый вечер Иван Фомич Выползков проводил занятия со своей бригадой в номере гостиницы на моделях, сделанных из детского набора «Конструктор».

И только спустя две недели, как он выразился, вывел свой взвод на полевые учения.

Расставил людей у стрелы-мачты, у кранов, механических лебедок, у рельсо-балочной платформы, на которой возлежали металлические тела колонн. Команды он давал в микрофон, и голос его гудел в репродукторах, установленных на фонарных столбах, мощно и гулко.

Пока шли такие репетиции, монтажники получали зарплату только по тарифной сетке, что их не воодушевляло.

Кроме того, многие строители относились к этим учебным занятиям монтажников со снисходительной усмешкой, усматривая в них только одно — недостаточный опыт. Но Иван Фомич проявил непреклонность, и чем больше он замечал у своих монтажников неохоту к репетиционным занятиям, унылую нерасторопность в испытаниях техники на холостом ходу, леность ума на воображение, отсутствие душевного подъема при бесконечных повторах, тем больше он горячился и сильнее переживал отдельные упущения.

— У тебя, Табачников, трос лопнул! — восклицал Иван Фомич с горестным отчаянием.— Ты же и людей мог покалечить!

— Да я же на пустую вирал. Трос весь на барабане смотан.

— А если б при подъеме? Синхронность нарушил? Большой вес на ком? На тебе! Разве на одном твоем тросе такую тяжесть удержать?

— Зарепетировали вы нас. Что мы, ансамбль самодеятельности? И так люди смеются...

— Смеются! — сокрушался Выползков.— Интересно, как бы они смеялись, если бы, допустим, к доктору попали, который сначала на трупах не научился как следует ножиком работать, а потом уже уверенно живого человека резать?

На фронте какой у нас лозунг был? Тяжело в учении — легко в бою!

На войне мы не стеснялись неделями

учебные занятия проводить, отрабатывать все приемы условного боя, пока другие подразделения настоящий смертный бой за нас вели. И все мы понимали: чем больше сил и ума тратишь на подготовку к бою, тем он будет короче, значит, успешнее.

И Выползков строго осведомился:

— Вы что думаете, только ордена да медали — солдатская гордость? Нет, то, что в мирную жизнь годится на пользу делу, вот где она, наша живучая гордость...

И хотя такие наставления Выползкова несколько умиротворили монтажников и они, покорствуя воле Выползкова, продолжали свои репетиции на подъемных средствах, руководители стройки прямо высказывали свои опасения Ивану Фомичу, что он может стать виновником срыва графика работ.

Больше всех донимал Ивана Фомича инженер-механик будущего завода Хохряков. Он убедительно доказал Выползкову, что если сложить время, необходимое для установки каждой колонны, то Иван Фомич, пожалуй, не уложится в сроки.

Выползков одобрил расчеты Хохрякова, согласился, что они правильные и вполне обоснованные. Но и тут Иван Фомич придал своему лицу властное выражение, объявил:

— Но вы, товарищ Хохряков, мыслите подъем колонн поштучно. За каждый заход одна колонна. А мы замыслили попарно. Счалим свободно вершины колонн тросом, с тем чтобы каждая колонна по отношению другой служила как бы вроде противовеса. Вот извольте, на схеме совсем убедительно.

Хохряков склонился над чертежом Выползкова, потом промычал:

— М-да, любопытно...

Поднял голову, недоверчиво оглядел Выползкова:

— Знаете, не лишено!

— Именно,— обрадовался Иван Фомич и тут же поспешно, как бы оправдываясь, пояснил: — Только до этого не я своим умом дошел. Другие товарищи уже на ряде заводов рафинарные колонны таким способом ставили.— Оживился: — Спросите, почему умалчивал? А мне не только колонны, мне настроение у ребят тоже поднять требуется. Молодежь на чем разжигается? На новой технике. Вот я и решил: после, как на холостой отработке всей операции по подъему их отмучаю — сюрприз! Заявлю: будем ставить колонны новым методом! Получится дополнительная морально-психологическая мощность. На этом эффект.— Признался сокрушенно: — Конечно, не последний крик, но все-таки...

После этого Хохряков не однажды посещал Выползкова в гостинице и, сидя рядом с ним на корточках у макета, составленного из набора «Конструктор», вместе с Иваном Фомичом дорабатывал всю операцию по парному подъему башенных колонн. И когда они оба пришли к полному единодушию, только тогда Иван Фомич позволил себе высказаться несколько двусмысленно.

— Вот ведь какая диалектика получается,— сказал Иван Фомич, озабоченно разглядывая на потолке пятна.— Чтобы молодежи настроение поднять, надо обязательно внушить, будто они в этом деле первые. А вот при нашем с вами капитальном возрасте, чтобы настроение было хорошее, прочно-спокойное, нужна сноска, будто не мы первые, а кто-то был другой первый.

Но Хохряков, занятый пересчетом динамической нагрузки на стропы, не обратил внимания на эти соображения Ивана Фомича, но если б обратил, они заставили б его кое о чем основательно задуматься...

Как всякий человек, который нашел в своей профессии пожизненное призвание, Иван Фомич был снисходителен к людям иных профессий, но только не к своим монтажникам.

Уличив в неточной подгонке детали, Иван Фомич возмущенно воскликнул:

— Человек может к протезу приспособиться — машина не может. Что значит: в работе притрется? Это — тиранство! Ты не только микрометром чувствуй — душой. Мы кто? Жизнь металлу даем. Получаем мертвые, неподвижные куски, составляем из них агрегат, умнейшую, страшной силы машину. Потом, когда она в работе, станешь рядом, ну кто ты против нее? Фитюлька. А кто ей жизнь дал? Ты. А кто ты? Выходит, ты перед ней бог. Понятно?

Значит, спрос с нас наивысший. Если на деньги, миллионами ворочаем, которые нам доверяют и горняки, и металлурги, и машиностроители, и даже правительство. Вот что такое монтажник! Он вершитель труда всех! Подумаешь так, даже застесняешься, за что тебе такое особое доверие, хоть весь твой титул — слесарь-сборщик, представитель массовой профессии.

И вот пришел день, в который Иван Фомич назначил производство подъема огромной цельносваренной башни высотой в сорок метров при диаметре в шесть метров и весом около трехсот тонн.

Башня возлежала на рельсобалочной платформе, от нее протянуты стропы к подъемной стреле — стальной сухощавой мачте, к механическим лебедкам и кранам.

Эту башню позволительно было сравнить с Гулливером, плененным лилипутами.

Строители заполнили все площадки, чтобы созерцать редкостное зрелище.

Монтажники Выползкова стояли на своих рабочих местах, и лица их были преисполнены решимости, достоинства и уверенности.

И только один Иван Фомич непристойно суетился, взволнованно бегал от одного подъемного агрегата к другому, ощупывал упоры, стопоры, тросы, лицо его потно, так, словно в слезах, и когда он поднялся на возвышение, склонился над микрофоном, в репродукторах сначала раздалось его хриплое, тяжелое дыхание. Затем он постучал согнутым указательным пальцем по микрофону, дунул как в телефонную трубку, сказал: раз, два, три. Пояснил: проба. И только потом сипло, полушепотом произнес, как страшное заклинание: «Вира помалу»,— и, откинувшись, побледнел.

Синхронно заработали все подъемные средства, и башня начала медленно, плавно приподыматься.

Зрители увлеченно закричали «Ура!».

Но тут из всех репродукторов прозвучал визгливый, требовательный голос Выползкова:

— Майна помалу!

И, повинуясь этому визгливому, пронзительному голосу Выползкова, башня начала медленно, стыдливо опускаться обратно в прежнее лежачее положение.

Не обращая внимания на встревоженные лица зрителей и представителей руководства будущего завода, Иван Фомич бодро сбежал с возвышения, подошел к двум пожарникам, дежурившим у толстенного брезентового шланга, и вместе с ними подключил шланг к отверстию в теле башни, и приказал:

— Давай! На всю емкость!

И в обиженной тишине стало слышно, как вода стала бить тяжелой, толстой струей во внутренность башни.

Иван Фомич, присев у круглого циферблата, вмонтированного на водонапорной колонке, внимательно и самозабвенно следил, сколько кубометров воды вливается в башню. И когда башня заполнилась водой и вес ее от этого утяжелел более чем в полтора раза, Иван Фомич приказал заделать отверстие в башне заслонкой. Потом он снова поднялся на возвышение и снова, волнуясь, потея и бледнея, отдал сипло и еле слышно команду:

— Вира помалу.

Как только тело башни приподнялось на полметра, он крикнул:

— Стоп!

И башня недвижимо повисла на стропах, техническая смазка выдавливалась из стальных жил тросов от этого страшного напряжения. В эти полные трагического напряжения мгновения лицо Ивана Фомича было искажено выражением боли, муки, вены на шее и на лбу выпукло набухли. И в репродукторе только было слышно, как

он загнанно, тяжко дышал сквозь стиснутые зубы. Дышал так, словно переживал смертельную агонию.

И вдруг Иван Фомич припал целующим движением к микрофону и мягко, совсем не командным голосом, произнес по-домашнему:

— Спасибо, ребятки, кладите ее теперь нежненько обратно.— И ликующе добавил: — Значит, полный порядок...

Выползков медленно сошел с возвышения и подошел к пожарникам. Пожарники, вправив шланг от насоса в тело башни, теперь выкачивали из нее воду, а Иван Фомич радостно потирал руки и, конфузясь от этого чувства радости, говорил:

— Теперь все. Теперь полная гарантия. Завтра. Утречком ее как чурку на попа поставим в два счета.

И ушел к себе в гостиницу спать, так как всю ночь до этого он мучился бессонницей, мысленно перебирая всевозможные неприятности, какие могут произойти при подъеме такого уникального габарита, как эта высокомерная башня химзавода.

На следующий день башня с одного захода была водружена на фундамент и на вершине ее трепетал красный флажок.

А ночью на ней вспыхнули рубиновые ожерелья сигнальных огней, ибо башня вторглась в небесное пространство, законно принадлежавшее авиационному ведомству.

Завершив крепежные работы, бригада Выползкова уселась на перекур у бетонного постамента башни.

Иван Фомич, растроганно пожав каждому монтажнику руку, сказал:

— У меня сейчас на душе такое, будто вместе с вами в атаку бегал.— И задумчиво пояснил: — На всю жизнь у меня родство с теми, с кем в бой ходил, лучшими людьми их на земле считаю.— Осведомился встревоженно: — Дошло или нет, что это означает?

Падал тяжелый, сырой, серый снег.

Иван Фомич усмехнулся, хвастливо заметил:

— Обжулили мы с вами стихию, успели до снегопада управиться.— Потом произнес поучительно: — Из всех конструкций считаю самую умную — скелет человеческий. Всего-навсего двести двадцать восемь деталей, и все соответствуют самым высшим законам механики, по динамическим возможностям — универсал. Очень интересное для инженерной мысли сооружение.

Кто-то из ребят сдержанно фыркнул. Но Иван Фомич не обиделся.

— Ладно там, смейтесь. Смех для здоровья полезен. Но ведь я вас к чему дразню, подъемные средства для малой механизации нам, монтажникам, сильно требуются. Или вот, скажем,— Иван Фомич вытянул руку, пошевелил пальцами.— Вроде этой штуки, только из металла манипулятор.— И вдруг встревоженно осведомился: — А вы все тросы насухо протерли, в бухты уложили, тавотом смазали, затарили? — Грозно пообещал: — Все равно проверю. Я на материальную часть недоверчивый. Нам на этих тросах тяжеловесный габарит еще не раз подымать. Погода на минус пойдет. При низких температурах смазка в талях загустевает, значит, на стропы нагрузка усиливается. Нужно каждую жилочку в тросе глазом обшарить. Техника только тогда надежная, когда себя на нее не жалеешь. Понятно?

Строго насупился, потом лицо его расплылось в мягкую улыбку. Привстав, он кивнул на гигантскую башню, скально возвышающуюся в снежной мгле, сказал одобрительно:

— Хороша штуковина. Гордо стоит. А кто ее так возвысил? Мы, монтажники. Когда на низу перед ней находишься, даже не верится, на какое богатырство человек способен. Вот оно, где главное удовольствие быть человеком.

А снег все низвергался взъерошенными хлопьями, и в белом мраке его гигантский силуэт башни чуть просвечивал, и только рубиновое ожерелье ее сигнальных огней светилось, как новое небесное созвездие.

ЕСЛИ ИСКУССТВО ТЕБЯ ВЫБРАЛО

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Из Ростова сообщают...

В 1900 году «Русская музыкальная газета» (№ 45 от 12.XI) писала (цитирую по материалам Архивного фонда училища):

«Из Ростова на Дону сообщают: музыкальные классы преобразованы в музыкальное училище, директором которого утвержден свободный художник Матвей Леонтьевич Пресман. В музыкальном училище обучается 250 учащихся. В настоящем учебном году предположено устройство семи ученических вечеров, шести квартетных собраний и двух или трех оперных спектаклей при исключительном участии учащихся в качестве солистов, хора и оркестра. Что касается устройства симфонических концертов, то таковые, за неимением постоянного оркестра, осуществить нельзя...»

В этом — счастье и жизнь

Директор училища Георгий Иванович Безродный разговаривал по телефону. Широко улыбаясь, мальчишески-звонко кричал в трубку:

— Топочка, слушай, Топочка, я твою афишу в городе видел... Ну, конечно, видел! А прийти не мог!.. Ну, вот не мог, понимаешь... У меня тут был юбилей небольшой... Пятидесятилетие справляли... Откуда оно, проклятое, нагрянуло? Да сам не верю! И ты не верь... Придешь? Ну, давай! Найдешь легко... На улице Текучева, Ростовское училище искусств. Наше здание самое лучшее, самое современное, самое красивое... Спрашиваешь — сам строил, недавно въехали... Замучился, конечно... Увидишь, да-да... Почти семьсот человек на девяти отделениях, не считая заочников; теперь и театральное есть; даже кукольники... Кто из старых друзей? Многих увидишь... Приходи, жду...

Счастливо улыбаясь, Безродный положил трубку и, все еще блестя глазами, оживленно поведал нам, что звонила Маргарита Чхеидзе, заслуженная артистка Грузинской ССР...

— Давала концерт в Ростове. А мы с ней учились в Москве, в консерватории... Почему Топочка? Да кто знает, вот так звали: Топочка и все.

— А в консерваторию откуда поступали? — спросила я.

— Отсюда же, из Ростовского училища. У нас почти весь педагогический состав — здешние, ростовчане. Да вот и Людмила Семеновна,— кивнул Георгий Иванович завучу Пономаревой,— здесь училась. Потом Саратовскую консерваторию окончила и опять вернулась к себе. Есть в нашем училище какая-то притягательная сила. Я по себе сужу: учился тут перед войной. Когда война началась, воевать ушел; вернулся только в сорок шестом, закончил консерваторию и после снова сюда... А сколько других таких же судеб вижу!.. И, знаете, начинает иногда казаться, что словно это не мы искусство выбираем, а оно — нас... И если уж искусство тебя выбрало, так служишь ему верой и правдой. И в этом — твое счастье и твоя жизнь.

Володя-Черемшина...

Перечитаем строки из сообщения «Русской музыкальной газеты»: в то время «устройство симфонического концерта» было не под силу молодому училищу.

Сейчас в Ростове на базе нынешнего училища создана детская филармония. Один из ближайших концертов как раз и познакомит юную аудиторию сперва со всеми по отдельности инструментами, из которых складывается многозвучная мелодия симфонического оркестра, потом выступит и самый оркестр. В программе русская классическая и современная музыка: Чайковский, Прокофьев, Щедрин...

Для того, чтобы привлечь внимание взрослого населения Ростова к искусству, развить вкусы, организован Клуб любителей музыки и театра...

— Шефская работа в воинских частях и в сельских районах, постоянные выезды в глубинки к животноводам и чабанам, на полевые станы, где творческие отчетные концерты-беседы сопровождаются выступлениями музыкальных ансамблей, хора и солистов,— помогает нам широко возрождать не только в Ростове, а на всей Донщине исконную, я бы сказала, природную приверженность народа к хорошей музыке, душевной песне,— рассказывает завуч Людмила Семеновна.— Именно глубинка и дает нам очень часто яркие, самобытные таланты. Вот взгляните — Володя Клоченюк, друзья, правда, чаще зовут его Володя-Черемшина. Он рабочий из станицы Старо-Ниже-Стеблиевской. Был помощником сталевара на металлургическом заводе в Макеевке. Из армии пришел уже с квалификацией слесаря-машиниста автокрана... Хотите поговорить с ним?..

С непокрытой головой, раскрасневшийся на ветру, Володя Клоченюк сажает молодые деревца под окном училища... Мы знакомимся, и, конечно, я спрашиваю Володю, почему это он стал Черемшиной.

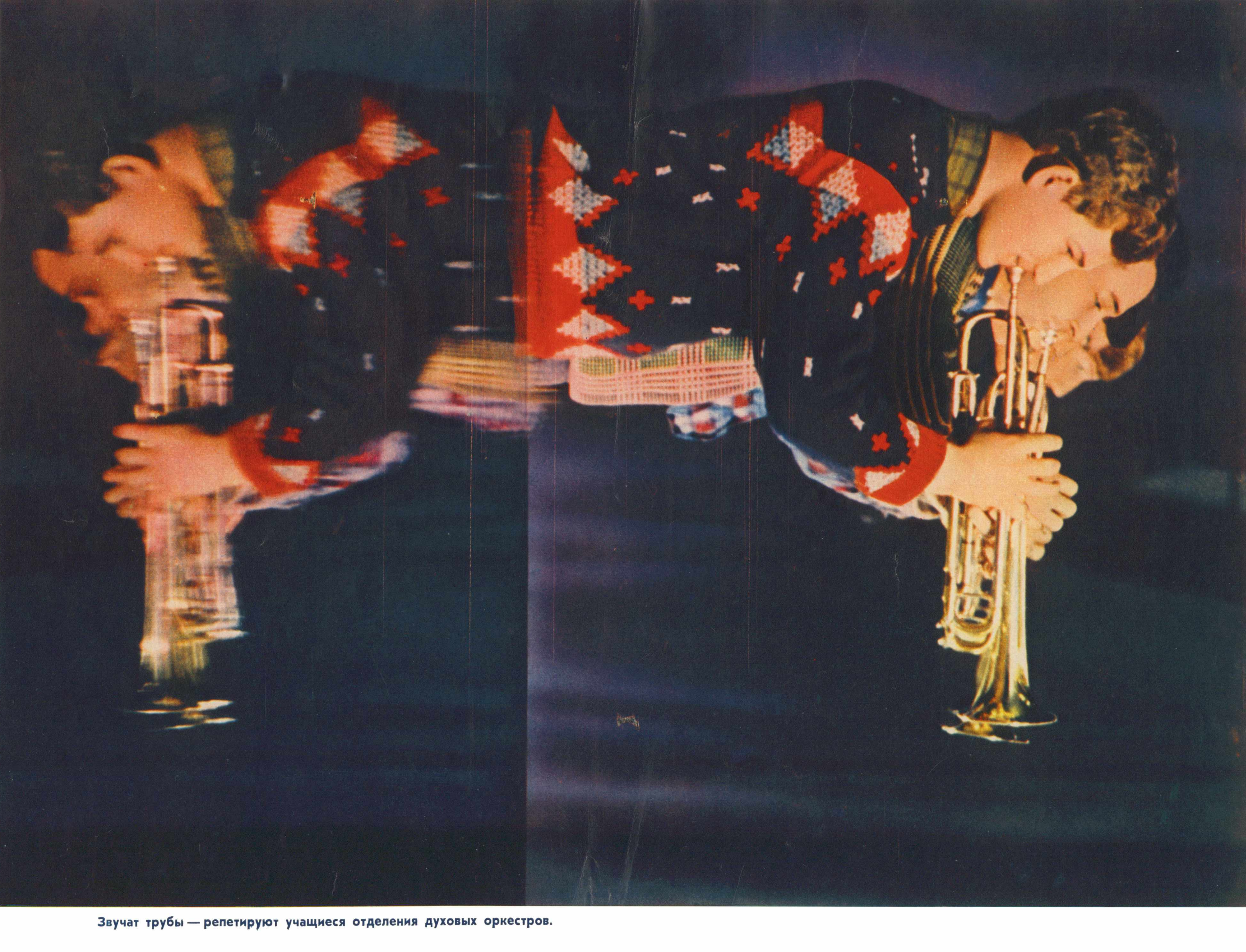
— Ребята прозвали в общежитии строителей, где я живу: они эту песню больше всего любят. Так и повелось: «Володя, давай пой «Черемшину»! «Володя, давай «Черемшину», а потом уж и совсем коротко: «Володя — «Черемшину»!»...

В ближайшие месяцы Володя заканчивает отделение музыкальной комедии; он уже принят в Кубанский казачий ансамбль. Но, думается, это только начало пути... Клоченюк — прирожденный артист; я видела его на репетиции музыкального спектакля «Сердце балтийца» К. Листова. У Володи редкое чувство сцены, оно словно вдруг сразу дает человеку желанную свободу и уверенность общения. Сердечность, добрый юмор составляют его главное обаяние.

— Пою и играю на сцене с четвертого класса школы,— говорит Клоченюк. И добавляет уверен-

Преподаватель Ростовского училища искусств В. В. Собакин со студенткой Т. Таджиевой в кабинете народных инструментов.

Звучат трубы — репетируют учащиеся отделения духовых оркестров.

но: — Вообще каждой школе необходимо иметь свой хор, свой самодеятельный театр. Это должно быть законом жизни и в городе и в селе. Только тогда все люди будут начинать себя с красоты и добра, а это — главное!..

Приглашены Росконцертом

Братья Чубенко — тоже выпускники. И тоже любимцы педагогов, сокурсников да и всего училища... Один из них — Виктор, другой — Анатолий.

Если долго вглядываться в фотографию, то, пожалуй, все-таки можно заметить некоторое различие между ними. Толя — он слева,— может быть, улыбается чуть веселее, чем Витя... Но, сказать по правде, и сами братья Чубенко, посмотрев на снимок, не сразу определили, кто из них кто. Чубенки — близнецы. До пятнадцати лет их даже мать не различала. Мальчишки росли в Миассе, оба откликались на некое «общее» имя «Витятоля». За проказы, совершенные поврозь, расплачивались совместно. Впрочем, случалось это крайне редко, потому что «Витятоля» были неразлучны. Такими они остались и до сих пор.

Сходство братьев замечаешь, еще не видя их,— по автобиографиям, написанным четыре года назад, когда А. и В. Чубенки — шахтеры-комсомольцы, машинисты шахтных машин — поступали в Ростовское училище искусств. Все здесь писала будто бы одна и та же рука: тут один и тот же почерк, одни и те же слова:

«Отец — Чубенко Сергей Григорьевич, в 1942 году ушел на фронт, где и погиб за освобождение Донбасса... Мать — домохозяйка. Я — Анатолий Чубенко (или: я — Виктор Чубенко) окончил 11 классов. С 1961 по 1964 год служил в рядах Советской Армии. Участвую в художественной самодеятельности при Доме культуры имени Горького города Донецка»...

К госэкзамену братья Чубенко подготовили «Менехмы» Плавта.

— Это значит «Близнецы»,— говорят они с удовольствием. Говорят «хором», не замечая этого. Разговаривать с ними вообще весело: один начинает мысль, другой убежденно ее заканчивает; а иногда они начинают говорить дружно, враз...

— Вы хоть когда-нибудь ссоритесь?

Чубенки смеются: для ссор нет повода! Они оба влюблены в эстраду, оба хорошо поют... Правда, еще не решили: возможно, в их будущую программу, которую утвердит Росконцерт, придется включить и «разговорные» номера. Что ж, это будет еще интереснее! Сейчас они работают в жанре пародии и уже имеют широкую известность: ни один концерт в городе без их участия не обходится.

Сегодня на телевидении «Балалайка»

Отделение народных инструментов — одно из самых больших. Здесь учится около ста человек.

Возглавляет отделение Николай Петрович Горбачев — коммунист, участник Отечественной войны, выпускник этого же Ростовского училища, закончивший впоследствии Харьковскую консерваторию. Большой знаток музыки вообще, Горбачев особенно предан сердцем музыке народной и считает, что баян и аккордеон, а уж домра и балалайка и подавно недооценены всеми нами. Мы далеко не всегда умеем видеть безграничные возможности органно звучащих инструментов; не ценим широкую доступность, демократизм струнных, а их вон ведь сколько!..

Богатым инструментарием училища заведует Виктор Васильевич Собакин, один из старейших, а после дирижера Вениамина Андреевича Никольского, заслуженного артиста Армянской ССР, отметившего недавно свой семидесятилетний юбилей, можно сказать, старейший педагог училища... Он принадлежит к числу тех энтузиастов, которые составляют костяк училища и определяют всю его атмосферу — деловую и творческую...

Как улей, весь день гудит, звенит, поет, рокочет здание на улице Текучева, не утихая и к вечеру. А сегодня здесь царит какое-то особое оживление: ансамбль «Балалайка» и многие студенты-солисты, выпускники училища дают концерт в студии телевидения.

Сначала туда отвозят инструменты, а потом тесно набиваемся в автобус и все мы — участники и болельщики концерта... Едут, конечно, и директор, оба завуча и многие педагоги...

Открывает концерт виолончель, потом показываются аккордеон, фортепиано, скрипка... И, наконец, общее внимание приковывает Виктор Васильевич Шевченко, строгий и сосредоточенный дирижер «Балалайки». Педагог училища, гнесинец, он мастерски организует живое, яркое звучание ансамбля, своеобразие, неповторимость звука, которые и составляют главное очарование, главную прелесть струнных...

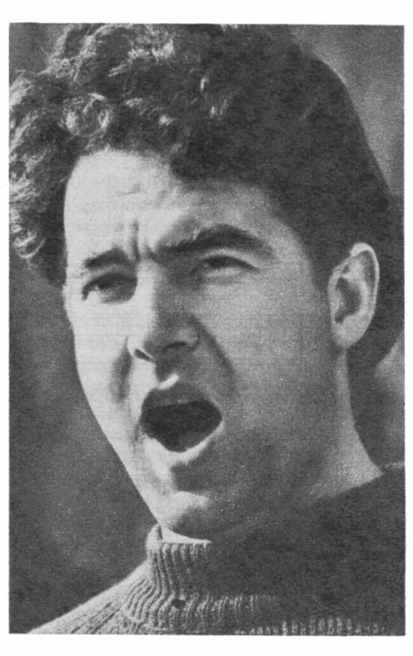
Совсем не по-ученически, непринужденно и даже с блеском ансамбль исполняет несколько изящных, современно звучащих пьес... Ростовское телевидение принимает вся область, и понятно, что творческие акции «Балалайки» еще больше взлетают вверх.

Братья Чубенко.

Светлана-Нафисэт.

Володя Клоченюк.

Удачи тебе, Нафисэт!

Светлана Мерзакулова — адыгейка. Ей девятнадцать лет. Она получила рекомендацию и направление на учебу от районного управления культуры аула Кошехабль.

— Почему тебе дали направление, Света?

— Так я же в самодеятельности чуть не с первого класса школы!.. Больше всего танцевала. Но, как всякая девчонка, мечтала стать драматической актрисой. Мать и бабушка не давали согласия на мои «артистические» затеи, на репетиции, а тем более на выступления пускали меня очень неохотно. Бывало, все в доме уберу, на огороде все сделаю, тогда только начинаю в клуб проситься... Не пускают — я в слезы. Дед моих слез не выносил; он-то никогда не говорил «нет», а его слово было решающее. Так вот и стала я актрисой... Вернее, стану, если удастся,— поправляется девушка.

— Нет,— твердо говорит Елена Александровна Скляревская, руководитель театрального отделения,— в артистическом будущем Светланы Мерзакуловой (кстати, дома ее зовут Нафисэт) сомневаться не приходится. Ее уже смотрели в Майкопе; она войдет в адыгейскую труппу театра. Это студентка не просто способная и старательная, она одарена. А больше всего привлекает, что Мерзакулова уже с детства знала свою дорогу, верила в себя и сумела настоять на своем, когда от нее потребовались упорство и воля. Она сможет играть и на русской и на адыгейской сцене: у нее хорошая речь, дикция; родному театру такая актриса принесет и знания и культуру. Ей от всего сердца можно пожелать большой удачи!..

...Училище искусств в Ростове кажется неисчерпаемым, как сама жизнь в этом училище... Поток исполнительского творчества, непрерывная смена ярких талантов, смелых и молодых замыслов... Свершения зрелых мастеров; их самоотверженный, полный любви и душевной отдачи педагогический труд, сам по себе являющийся удивительным талантом...

Таково это училище сегодня, его люди, его дела, его нынешние дни...

Ростов-на-Дону.

Семья Митчелла. **Фото автора.**

НАПЕРЕКОР ОСЕННИМ ВЕТРАМ

Юрий ЯСНЕВ

Май в Австралии — обычно пора тоскливая. В это время в южном полушарии хозяйничает глубокая осень, делает первые заявки зима. Холодные, порывистые ветры гонят с юга, со стороны Антарктиды, тяжелые, мрачные тучи, приносят затяжные дожди. Океан швыряет на обезлюдевшие пляжи Сиднея и Мельбурна громады свинцовых волн. Последние хороводы птиц пунктирами прочерчивают небо. Чернеют размытой землей поля и пастбища. Промокшие, грязные овцы жмутся друг к другу под кронами эвкалиптов, которые сбрасывают на зиму не листья, а кору.

Но никакая осень не в силах заглушить звонкое, весеннее слово «Первомай». Международный пролетарский праздник выводит на улицы австралийских городов колонны строителей, металлургов, шахтеров, портовиков. Они шагают под аккомпанемент профсоюзных оркестров, демонстрируют свою классовую солидарность с пролетариатом всего земного шара.

Нынешний Первомай — 80-й по счету в Австралии. Начало славной традиции отмечать международный праздник труда было положено на пятом континенте трудящимися города Барколдайн в штате Квинсленд в 1891 году.

В первомайских лозунгах сегодня на первом месте — требования трудящихся покончить с грязной войной США в Индокитае, прекратить пособничество австралийского правительства американским агрессорам, возвратить из Вьетнама австралийские войска. Соучастие правящих кругов Австралии в преступном разбое против народов Юго-Восточной Азии не только подрывает международный престиж страны, но и ложится тяжелым финансовым бременем на плечи австралийского народа.

И, как всегда, Первомай пройдет под знаком борьбы австралийских рабочих за свои социальные и экономические права, против наступления местного и иностранного капитала на жизненный уровень трудящихся, против растущей дороговизны, которая съедает надбавки к заработной плате, вырванные забастовками и нелегкой тяжбой профсоюзов в арбитражных судах.

Едкая политическая сатира—неотъемлемый элемент оформления первомайских шествий. Когда во Вьетнам был послан первый контингент австралийских солдат, участники первомайской демонстрации прошли по Сиднею с черными картонными гробами. Когда в моду только входила мини-юбка, профсоюзы начертали на плакатах: «Мини-юбка — да! Мини-зарплата — нет!» В нынешнем году, видимо, следует ожидать: «Макси-юбка — да! Макси-налоги — нет!»

Австралийские рабочие участвуют в первомайских демонстрациях обычно целыми семьями.

В числе тех, кто шагает в первомайских колоннах, и 57-летний грузчик аделаидского порта Джим Митчелл вместе с женой Марсией, пятью дочерьми и сыном.

Коммунист с сорокалетним партийным стажем, неоднократно избиравшийся в центральные руководящие органы партии, ветеран второй мировой войны, признанный вожак рабочих Аделаиды, секретарь общества «Австралия—СССР» в штате Южная Австралия, Джим Митчелл принадлежит к той когорте австралийских коммунистов, которые верны принципам пролетарского интернационализма, последовательны и искренни в дружбе с Советским Союзом, черпают в ней вдохновение и силу для борьбы за марксистско-ленинские идеалы.

Загорелый, с крепкими бицепсами, густой темной шевелюрой, начинающей серебриться у висков, Джим — австралиец до мозга костей, хотя родился он в Англии, в Ливерпуле.

Моя первая встреча с Джимом состоялась в порту, где он со своей бригадой работал на погрузке прессованного сена. От склада до борта судна расстояние было не больше пятнадцати метров. Кубики прессованного сена рабочие грузили на тележку, прицепленную к трактору. Тот описывал замысловатую петлю по бетону причала, лихо подкатывал к борту, и с помощью лебедки сено перебрасывалось на судно.

Джим представил меня бригаде:

— Это товарищ из Советского Союза.

Во время перекура меня забросали вопросами. Джим стоял в сторонке, не вмешиваясь в беседу. Один из членов бригады никак не хотел верить, что в СССР нет безработицы.

— Такого быть не может,—твердил он.

В двух словах эту проблему не объяснишь, а перекур уже заканчивался.

Джим подошел ко мне:

— Этот парень — новичок, недавно прибыл из Греции. Пооботрется у нас — постепенно многое поймет.

10-летним мальчиком вместе с родителями приехал Джим в Австралию в 1924 году по льготному эмигрантскому билету. Отец его был искусным маляром, и будущее в новой стране, которая, как уверяли агенты-вербовщики, располагает «неисчерпаемыми возможностями обогащения», рисовалось ему радужным.

В небольшом городке Гамильтон на западе штата Виктория Джим окончил среднюю школу и 18-летним юношей, к изумлению родителей, традиционных лейбористов, вступил в коммунистическую партию.

— Было это в 1932 году,— вспоминает Джим.— Страна, как и весь

капиталистический мир, переживала экономический кризис и безработицу. Мы, молодежь, собирались на окраине городка по субботним вечерам, спорили до хрипоты о политике, религии и разных книгах. Однажды мы послали в Мельбурн письмо и попросили приехать коммуниста, который бы рассказал нам о партии. На встречу собралось 15 человек. Шесть из них после беседы решили вступить в компартию, и тут же была создана ячейка.

Как-то Джим принес домой коммунистическую брошюру. Отец, уже два года безработный, рассвирепел:

— Вот что, парень! Или ты сожжешь эту книгу, или уберешься из дому. Из-за твоих связей с красными я никогда не получу работу.

Джим молча собрал свои пожитки, накинул на плечо скатку из старого одеяла и сказал: «Гуд бай!» Два с половиной года длились его скитания вместе с группой парней, которые бродили по Австралии в поисках случайных заработков. Деньги, которые удавалось добыть на сборе фруктов или игрой Джима на кларнете, шли в общий котел. На одной из станций в штате Новый Южный Уэльс Джим был арестован за проезд зайцем по железной дороге и приговорен к штрафу в 10 фунтов или 10 дням тюрьмы. Денег не было. Пришлось отсидеть.

— Когда я вернулся домой,— рассказывает Джим,— отец по-прежнему не имел работы. Вначале мать, а потом отец вступили в компартию. Ну, а когда женился, Марсия тоже присоединилась к нашей семейной ячейке.

Переехав в Мельбурн, Джим стал работать секретарем общества «Друзья Советского Союза». Организация была популярной и многочисленной. Она показывала фильмы о Советском Союзе, распространяла литературу, собирала деньги на поездку делегаций в Москву.

Через ветерана партии Элфа Уотта Джим приобщился к журналистике, сотрудничал в газете «Голос рабочих».

— Помогали нам после работы и многие газетчики из буржуазной печати, например, такой известный журналист из «Мельбурн геральд», как Гэйвин Гринлис, ныне покойный.

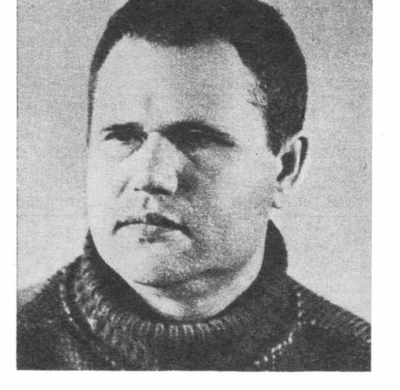
В годы второй мировой войны Джим ушел добровольцем в армию. Огнеметчик Митчелл участвовал в боях против японцев на Новой Гвинее.

— Коммунисты в армии,— вспоминает он,— пользовались большим влиянием. У нас были ротные, батальонные и бригадные парторганизации. Мы издавали свои газеты. Авторитет коммунистов был высок. Они показывали образцы героизма, шли на самые трудные участки.

Демобилизовавшись из армии по окончании войны, Джим поселился в Аделаиде. Вот уже два десятка лет он работает грузчиком в порту. И почти все эти годы его избирают в руководство аделаидского профсоюза портовых рабочих. Он был членом Исполкома компартии в штате Южная Австралия, четыре года провел на редком для коммунистов этой страны посту муниципального советника.

Всей своей жизнью этот человек завоевал право идти во главе первомайской колонны.

Сергей ХОХЛОВ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

* * *

Мягкий дым
Над нашим белым садом.
Мне ль не знать,
Как сладок этот дым!..

Заволнуюсь — нет с душою сладу,
Он, как свет, душе необходим.

Все мы дети,
Мать одна на свете
Нас пустила — и не соберет.
Только дым
От яблоневых веток
Вслед за нами медленно плывет.

Плугарю по духу и по крови,
Плугарю
Бывает нелегко
Без дымка
Над самой тихой кровлей,
Теплого, как в сенцах молоко.

НАЧАЛО ПЕСНИ

День кленовые спицы
Строгает, как старый колесник.
Все так ладно строгает,
Поет свои дивные песни.

Девки полем прошли,
Девки явно не могут без песен.
И плеснулись крыла
Над Кубанью,
над степью,
над лесом.

Трактора вдоль межи
Проходили и слушали песни.
В молодых ячменях
Обмывал свои спицы колесник.

ОСЕНЬ В ТАМАНИ

Белеет парус...
М. Ю. Лермонтов.

Раннее утро Тамани.
Чаша залива в тумане,
В белом, плывущем, как сон.
Тихая-тихая осень;
В травах колеса по оси;
Долгая дума во всем.

Мимо — косынки и лица,
Мимо — горящие листья,
Камень с лощеным плечом.
Что ж я ищу в этом мире,
В мире волнующе милом?
Трепет на сердце о чем?

Мне б отыскать хоть ступеньку,
Вросшую в землю. И стенку
Ту, что он трогал рукой.
Сердце, храни же волненье...
Жизнь его — только мгновенье,
Миг лишь... Но отзвук какой!..

Капают капли с камышин.
В думе глубокой, возвышен,
Здесь и стоял он, колдун.
А над плечом его — осень
С хлебным, медовым покосом,
С теплой ладонью — ко лбу.

Ах, поубавить бы жару
В сердце,
Чтоб тихо лежало
Небо в глубоких очах.
Нежная-нежная осень;
Воды дрожат у откоса;
Чаша залива в лучах.

А ВСЕ ВО СНЕ ЛЕТАЮ

О вольность духа, мысли —
Родных степей стихи!
Вовек я не зависим
Ни от каких стихий.

В душе ни просьб, ни жалоб.
Простор понятен весь.
Вот здесь — ветра лежали,
А молнии — вот здесь.

А день такой спокойный —
Черпай в ладони, пей.
Свистит, свистит — разбойник —
В калине соловей.

Я не юнец летами,
Я белой мыт водой,
А все во сне летаю
Над степью молодой.

Я ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Егору Исаеву.

Человек, человек,
Ты и нежен и сердцем раним...

Не хочу уходить
С этих
Стелющих скатерть равнин,
Отбеленную скатерть
В колосьях,
В рассветах,
В снегу.
Не хочу уходить,
Даже думать о том не могу.

Все мое...
Я хранитель огня этих свеч,
Что взошли из земли
И стоят, оплывая у плеч.

ЛЯГУ В ТРАВЫ

Мне немало выпало на долю
Доброго.
Недоброе не в счет.
Смоют ливни молодые в поле
Жар полдневный
С плеч моих и щек.

Я-то знаю:
Не в больничных стенах
Всё излечат...
Стены холодны.
Тишиной наполненные степи
Жаждущим во здравие даны.

Лягу в травы,
Руки распростерши;
Запрокину голову к реке.
Загрустят и донник и горошек
На моей натруженной руке.

* * *

Когда забьет родник, неважно,
В какой земле, в каком краю.
Он утолить явился жажду,
Он чашу подал вам свою.

Совсем неважно, как он вышел,
В каких ворочался слоях:
Дыханье жаждущих услышал
И горечь зноя на губах.

* * *

Я все возвышу, что приемлю.
Душа распахнута,
Как степь.
Возвышу день, согревший землю,
Соленый трудной солью хлеб.

Когда ищу для песен строки,
От суеты сует вдали,
Я чую
Пристальный, и строгий,
И верный взгляд самой земли.

И вырастает в сердце слово
С горчинкой вешнего листа
Под взглядом
Чистым, словно совесть,
Когда она и впрямь чиста.

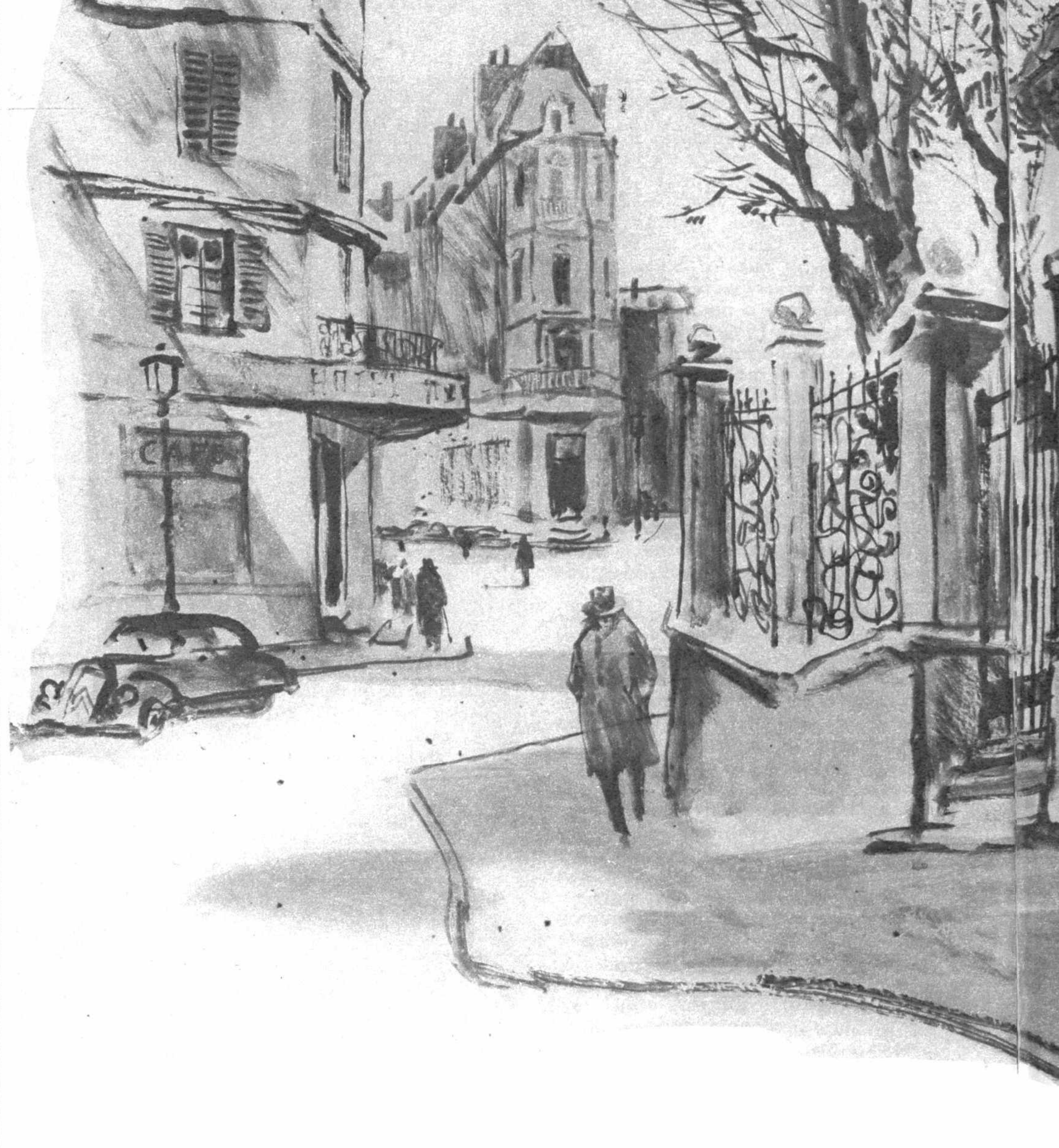
* * *

Стою у красных древних стен.
И ели синие в молчанье.
И дышит Площадь под лучами,
Как тихо спеющая степь.

Всё люди, люди — всё к нему.
У всех особые причины.
Свою и нежность и кручину
Доверят только самому.

И древний город осиян —
Он весь в сиянье этой встречи.
Идут —
И с каждым часом крепче
Союз рабочих и крестьян.

1. ИЮЛЬ, 1942. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24

Лето в Париже не самая лучшая пора. Жарко, пыльно, и каштаны на Больших Бульварах кажутся серыми. Вода в Сене к вечеру начинает пахнуть псиной — это гниют городские отбросы. Жак-Анри не любит жару, но что поделать: уехать он не может. Паспорт со швейцарской визой лежит в столе, однако дела — их так много, что паспорту придется подождать.

Жалюзи в конторе опущены, но солнце пронизывает их, пробивает насквозь, и стакан с содовой водой нагревается меньше чем за полминуты. Жак-Анри отпивает глоток, костяной ложечкой перемешивает лед. Улыбается изнывающему в своем мундире полковнику.

— Еще содовой? Или, может быть, виши?

Полковник — из организации Тодта. Он плотен, моложав, сидит прямо, ремень туго охватывает не по годам узкую талию, наводя на мысль о корсете. Если бы не мундир, то его можно было бы принять за француза — черные волосы, узкий, с горбинкой нос. Дипломированный инженер, доктор. Жака-Анри он немного презирает, хотя и старается быть корректным. Для него Жак-Анри в данном случае младший деловой партнер, а вообще человек второго сорта, делец из тех, кто рано или поздно кончит концлагерем или тюрьмой Сантэ. Поэтому он не торопится подписывать контракт, хотя Жак-Анри не без намека поигрывает золотым пером, ловит им тоненький солнечный луч.

— Итак?

— Видите ли, господин Легран...

— Я весь внимание, полковник!

— Вы ручаетесь за сроки?

Речь идет о строительстве двадцати бараков на побережье, а можно подумать, что о второй Эйфелевой башне! Через неделю бараки должны быть заселены рабочими Тодта, и полковник напрасно тянет время: так или иначе контракт придется подписать. Фирма «Эпок» не первый день сотрудничает с вермахтом, в определенных кругах ее считают коллаборационистской, однако Жак-Анри не придает этому значения. Господа патриоты, тайком слушающие лондонское радио и полагающие, что этим самым они участвуют в Сопротивлении, всего лишь неопасные болтуны: бранить оккупантов и прославлять Жиро и де Голля — хороший тон, не больше. Во всем остальном эти господа, как и Жак-Анри, реалисты, и взгляды нисколько не мешают им вести дела с Берлином и Виши. И если имперские органы предпочитают «Эпок», то не потому, что уверены в преданности его владельца третьему райху. Для них он всегда есть и будет лицом ненадежным и подозреваемым: Жаку-Анри известно, что гестапо наводило справки о нем и его служащих. Здесь, в Париже, немцы не верят никому — даже в солидных дельцах им мнятся замаскированные франтиреры. Но «Эпок» работает добросовестно, быстро и за сравнительно небольшой гонорар — это привлекает немцев. Жак-Анри делает все, чтобы репутация фирмы была безупречной. Среди его служащих нет никого, кто имел бы в свое время хоть малейшее касательство к Народному фронту, зато немало последователей полковника де ля Рокка.

Перо в руке немца напоминает жало.

— И еще, господин Легран! Я хочу, чтобы вы знали: лично я был против передачи подряда вам.

— Но почему, полковник?

— Вы слышали о де Барте? Он строил участок шоссе на побережье. Сейчас им занимается гестапо, и, полагаю, он будет расстрелян.

Жак-Анри возмущен, но сдерживается:

— «Эпок» не имеет ничего общего с де Бартом!

— Знаю, и тем не менее я был против вашей фирмы.

— Против французов вообще?

— Вот именно, мой дорогой господин Легран!

Жак-Анри молча пожимает плечами. После сказанного не может быть и речи о конверте — том самом, что лежит в бюро. В конверте — рейхсмарки, гонорар полковника. Хорошо бы выглядел он, Жак-Анри, если бы поторопился с этим делом. Как знать, не донес ли бы на него в гестапо господин представитель Тодта!.. И так каждый раз: не знаешь, когда и как передать деньги. Маленький куртаж стал большой проблемой, но не давать нельзя: подрядов меньше, чем претендентов на них. Придется поручить полковника Жюлю.

Жак-Анри делает вид, что перечитывает контракт и думает — теперь уже о де Барте. Что он там натворил? Ходили слухи, что де Барт связан с Лондоном. Передал сведения? Но какие? Участок шоссе вел к Атлантическому побережью, к укреплениям вала. Неужели англичан может интересовать такая мелочь, как описание отдельного участка? Надо сказать Жюлю, чтобы рабочие не вздумали расспрашивать о чем-нибудь немцев, когда будут передавать им бараки. Атлантический вал — в известной мере секрет Полишинеля; многое о нем можно узнать, не покидая Парижа.

Подпись полковника на контракте заканчивается длинным когтем. Жак-Анри готов поручиться, что, вернувшись к себе, полковник позвонит в абвер или службу безопасности и попросит еще раз присмотреться к «Эпок»... Будем надеяться, что после этого он успокоится: сегодня контрразведка не осведомлена ни о ПТХ, ни о «Геомонд». Эти связи не находят своего отражения в деловой переписке фирмы и ее банковских счетах.

Жак-Анри с достоинством распрямляет плечи. Перстень на мизинце левой руки бьет снопиком брызг ослепительной голубизны. Бриллиант чист и прозрачен, как слеза,— скромно, солидно и чрезвычайно дорого.

— Благодарю за откровенность, полковник. Еще сигару?

— О нет... Хайль Гитлер!

Он уходит — походка двадцатилетнего или спортсмена. Узкая спина. Недосягаемо высокомерный прусский военный образца тысяча девятьсот сорок второго года. Конверт с гонораром остается в бюро и будет ждать часа, когда все-таки исчезнет в кармане полковничьего мундира. Час этот не за горами: в практике Жака-Анри не встречались немцы, отвергающие куртаж. Весь вопрос только, где, сколько и в какой форме. Жак-Анри почтительно кланяется у дверей.

— Рад был познакомиться, полковник.

И — Жюлю, сидящему в приемной:

— Зайдите!

У Жюля от жары размок воротничок. Толстый нос лоснится. Он и сам толст и неповоротлив, как слон. И еще у него больные почки, поэтому под глазами у него мешки, а кожа серая, нездоровая. Жюль, войдя, первым делом отыскивает бутылку виши и пьет прямо из горлышка. Сколько раз ему уже попадало за эту проделку! Но сегодня у Жака-Анри хорошее настроение, и он ограничивается шуткой:

— Ты меня разоришь!

Не отрывая бутылки от губ, Жюль роется в кармане, достает кредитку и бросает на стол. Затыкает горлышко пальцем и бормочет:

— Семь франков сдачи, господин Легран.

Консультант — генерал-майор Иг. МИХАЙЛОВ.

— А за утреннюю?

Жак-Анри улыбается: после полковника разговор с Жюлем — сущая прелесть! Даже отвратительный провансальский акцент вызывает симпатию. Интересно, где он его подцепил, этот акцент? Жюль приехал из Виши и сразу же вошел в дела, словно работал в «Эпок» со дня основания фирмы. На нем — переписка, организация встреч, множество других дел, связанных с Брюсселем, Берлином, Гаагой, неоккупированной Францией. В отсутствие Жака-Анри он почти директор и самостоятельно решает многое. Жак-Анри держит его в курсе замыслов — в пределах возможного, разумеется. Что же касается собственно «Эпок», то здесь для Жюля нет тайн: даже существование пружины в горке с фарфором для него не секрет. Жак-Анри смотрит на горку, и скулы его твердеют. Чашки, тонкие, как лепесток, голубые, прозрачные, блюдца изумительной белизны — вещи, рецепты изготовления которых ушли в небытие вместе с их создателями,— где будет все это через год, через месяц, завтра? При обыске у них немного шансов уцелеть. Может быть, лучше отдать их, пока не поздно, какому-нибудь коллекционеру? Хотя бы эти две чашки с гербами Марии-Антуанетты и кофейный сервиз с вензелями наполеоновского маршала Даву... Впрочем, разве что-нибудь угрожает?

Жюль клетчатым платком вытирает губы. Вкладывает контракт в кожаный бювар. Он действительно хороший секретарь и мог бы служить не в «Эпок», а в первоклассной фирме. Кроме всего прочего, у него прекрасные аттестации от банкирского дома барона Ротшильда и крупного пайщика концерна Шнейдер — Крезо. Жаль только, что проверить их можно лишь в Лондоне: именно там живут сейчас господа, подписавшие Жюлю рекомендации на бумаге «верже» с золотым обрезом.

Думая об этом и улыбаясь одними глазами, Жак-Анри нажимает на пружину в горке и ждет, пока откроется безупречно замаскированная дверь.

За официальным кабинетом — второй, поменьше. Стол, чайный столик, два стула. Только два: посетителям в этой комнате нечего делать. Жаку-Анри вряд ли понравится, если кто-нибудь, кроме него и Жюля, станет разглядывать карту на стене или вертеть ручки приемника в нише — большого, в отличном деревянном ящике, самой последней модели. И тем более он будет не в восторге, заинтересуйся посторонний разноцветными булавками, воткнутыми в карту. Деловые тайны!

Жюль никогда не начинает разговора первым, и Жак-Анри спрашивает:

— Есть что-нибудь из Лилля?

Жюль вытирает платком пальцы, каждый в отдельности.

— Это не гестапо.

— Абвер?

— Похоже на то... Дом был оцеплен солдатами.

— Значит?..

— Хозяйка на свободе. Ей сказали, что вызовут, но не сказали куда. Она видела, как солдаты выносили железный ящик. С ней разговаривал штатский, он называл ее мадам и был вежлив.

— Уголовная полиция? Француз?

— Немец...

— Значит, все-таки абвер.

— Один из тех троих, кажется, застрелился.

Чашки... Сколько им еще стоять в горке? Жак-Анри вспомнил узкую спину полковника, похожий на коготь росчерк. Интеллигентный немец, он не пошел работать в гестапо, где, впрочем, вполне достаточно интеллигентных немцев. Вековая культура не мешает им применять при беседах электроток, иголки и испанские сапоги. Фарфор тверд, но хрупок. Человеческая воля тоже. Пуля в сердце — более легкий исход, чем допросы на Принц-Альбрехтштрассе. Но для него, Жака-Анри, это исключено — пуля...

Сейчас лучше побыть одному.

— Хорошо, Жюль, поговорим вечером.

Лилль на карте — крохотная точка. Три красные булавки. Холодными пальцами Жак-Анри дотрагивается до стеклянных головок. Он купил их, эти шляпные булавки, весной в лавочке мадам Перрье.

Мадам пошутила:

— Ваша подружка любит терять? Плохая примета: вместе с булавкой теряют друга! Скажите ей об этом, господин Легран.

А у него и не было подружки, только товарищи, большую часть из которых он никогда не знал лично и не видел даже на фотографиях.

Сейчас сигарета не поможет: от нее только першит в горле. Лилльский филиал «Эпок» — его больше нет. Как это произошло? За домом не следили: тихий квартал, у каждой виллы свой садик с несколькими выходами. Чужие бросились бы в глаза. Парусиновая палатка у телефонного колодца? Что-то было о ней в письме. Ну же, Жак-Анри, вспомни!.. Пьер в конце июня писал, что палатка стояла у перекрестка; трое рабочих чинили кабель. Как он выглядит, этот перекресток, и видна ли с него вилла? Слияние рю Рипаблик и рю де Грас. Рю Рипаблик изогнута, как буква «С». Перекресток в верхнем ее конце, вилла — в нижнем. Нет, из палатки ее не видно. Совпадение?

Жак-Анри на миг закрывает глаза. Нет больше жаркого парижского дня — ночь окутывает его, черная, теплая и чуть душноватая. Еще немного, и можно представить себе парк, скамейку со своим именем, вырезанным на спинке перочинным ножом. Это его маленькая слабость — бросить изредка мимолетный взгляд в прошлое. Один миг, не больше. Если задержаться, то на скамейке появится девушка, а от нее нелегко уйти, и цепь воспоминаний протянется туда, куда ему, Жаку-Анри, даже мысленно нельзя вторгаться... Он вовремя открывает глаза — лампочка в нише над дверью мигает, торопит: у Жюля в приемной посетитель. На часах — два без нескольких минут. Следовательно, это Рене. О господи, еще один нацист, на этот раз — французский!

Горка за спиной Жака-Анри мягко ползет на свое место. Палец упирается в звонок. Сгоревшая наполовину сигарета дымится в пепельнице, бювар открыт: в два часа господин Легран всегда работает. Это известно всем. Дверца в задней стене — сталь и обшивка, оклеенная обоями,— снабжена электрозащитой. Жак-Анри слегка привстает навстречу Рене. Лицо его серьезно: мысленно он переводит марки в валюту и боится напутать в расчетах.

— Хайль Гитлер!

— Хайль... Рене, как стоит сейчас швейцарский франк?

— В долларах?

— В рейхсмарках, конечно!

Рене морщит лоб, а Жак-Анри не торопясь выходит из-за стола. Дверца, закрывшаяся минуту назад, точно посредине разделила отпечаток ботинка: в этой комнате на полу каблук и часть подошвы; носок и другая часть — в той. Пока Рене считает, Жак-Анри незаметно стирает отпечаток и присаживается на край стола.

— Если через банк,— говорит Рене,— то надо брать в расчет и учетный процент. Большая сумма?

Жак-Анри смотрит на него в упор.

— Тысяч тридцать. И вот еще что: я не хотел бы иметь дело с банком. Понимаете, мой милый Рене?

Он умолкает, давая возможность собеседнику принять намек к сведению. Только намек. Остальное — зачем нужна валюта и кому она предназначена — Рене не должен знать. В конце концов какое дело спекулянту с черной биржи до картографического издательства «Геомонд», расположенного в нейтральной стране и испытывающего в настоящее время недостаток свободных средств?

— Сто марок с тысячи! — говорит Рене. Он все обдумал.

— Тридцать.

— А риск?

На миг Жак-Анри перестает улыбаться.

— Ну это уж ваше дело, мой милый. Каждый в наши дни рискует, чем может... Впрочем, я не настаиваю.

А между тем «Геомонд» до зарезу нуждается в деньгах. И Жак-Анри должен получить свою валюту любой ценой. Будь эти деньги его собственными, он согласился бы на условия Рене. Но дело в том, что деньги не его. И фирма «Эпок» тоже не его. И сам он, Жак-Анри Легран, если говорить откровенно, по сути, не принадлежит себе. Поэтому он торгуется, вгоняя Рене в пот, за каждый пфенниг и соглашается только тогда, когда Рене заявляет, что больше не уступит даже родному брату. Жак-Анри, скрепляя сделку, угощает его рюмочкой коньяку. Наливает и себе, пьет, смакуя каждую каплю и думая при этом, что «Геомонду» придется сократить расходы: переправлять деньги через границу становится все труднее и труднее. На этот раз с ними придется ехать самому.

2. ИЮЛЬ, 1942. ЖЕНЕВА, РЮ ЛОЗАНН, 113

Дижон — это уже почти довоенная Франция. В окне вокзала портреты — маршал Петен и Лаваль. Полицейские в черных крылатках, словно символ юрисдикции правительства Виши. Попутчики Жака-Анри вполголоса обсуждают возможность обстрела поезда со стороны маки. Сходятся на том, что маки, хотя и бандиты, но не пойдут на такое свинство. Вот если бы в вагонах были немцы... Бедная, бедная Франция!

Жак-Анри, задумавшись, обжигает пальцы сигаретой. О-ля-ля, это было бы печально — оказаться подстреленным пулей франтирера. Под Дижоном — зона маки. Правительство Виши бессильно помешать им, рассылает грозные приказы, которые здесь никто не хочет исполнять. Попутчикам Жака-Анри это не нравится; особенно недовольна единственная в купе дама с алансонскими кружевами на шее и с землистым от хронического несварения лицом. Даме так хочется покоя и тишины, а эти противные маки... Неужели маршал не может их прогнать?

Спутник дамы, юнец с поношенным личиком, успокаивает ее:

— Вам вредно волноваться, Мари! В конце концов...

— Но, Мишель! Видеть, как экстремисты разрушают Францию?!

— И все-таки... прошу вас, на нас смотрят.— И к Жаку-Анри: — У всех нервы. Бурное время, не правда ли, мосье?

Жак-Анри с трудом подавляет зевоту. Сегодня он спал меньше трех часов. Рене принес деньги только вечером и все мелкими купюрами, которые не уместились во втором дне чемодана. Жак-Анри и Жюль до самого утра шили жилет с карманами на груди и спине. Надетый под рубашку, он сковывал тело, как броня.

Жюль сказал:

— Не обижайтесь, господин Легран, но сейчас вы похожи на сутенера. Кто еще стал бы носить корсет в вашем возрасте?

Жак-Анри ответил:

— Для этого я недостаточно красив, старина!

Они шутили до самого отхода поезда. Жюль делал вид, что ничего особенного не происходит, и Жаку-Анри от этого становилось не по себе. Жюль слишком умен и хладнокровен, чтобы нервничать из-за пустяков, и если поездка вызывает у него беспокойство, то, следовательно, степень риска превосходит обычную. Жаку-Анри и самому не нравилось все это: быть арестованным на границе за незаконный провоз валюты значило оказаться в уголовной тюрьме — швейцарской или французской — и выйти из игры в лучшем случае до конца войны. Но «Геомонд» задыхается без средств, обычные пути получения кредитов для него закрыты, и у Жака-Анри просто нет выхода...

Поезд медленно втягивается в туннель, купе погружается в темноту, и до Жака-Анри доносится звук поцелуя.

Для мадам, как видно, любовь превыше всего! Война, оккупация, немцы в Париже волнуют ее не больше, чем утренний дождь. Все события мира не стоят ни сантима в сравнении с тем, как стареет кожа, белеют волосы, теряет упругость тело. Через год или два Мишель уже не полюбит ее ни за какие деньги, и надо торопиться. Сейчас она везет его в Давос или Сен-Мориц, в какое-нибудь маленькое шале, где днем она будет отлеживаться после ночи, а вечером устраивать ему сцены ревности при свечах, в желтом свете которых морщины делаются почти незаметными...

Жак-Анри думает об этом и борется с дремотой. Тема его нисколько не занимает, но он не позволяет себе отвлечься от нее и в конце концов ухитряется до самой границы забыть о Жюле, чемодане и жилете. И даже когда замок чемодана уже щелкает под пальцами таможенника, Жак-Анри все еще вспоминает свою попутчицу.

Таможенник перебирает рубашки, белье. На дне находит плоскую коробку, оклеенную лоснящейся шелковистой кожей. Нерешительно вертит ее в руках.

— Что здесь?

Жак-Анри слегка смущен.

— О, пустячок... Маленький подарок.

— Откройте.

В коробке на белом атласе — хрустальные флаконы. «Лориган-коти» с золотыми притертыми пробками, лучший образец довоенной продукции фирмы. Предмет самой изысканной роскоши, подлежащий, вне сомнения, обложению пошлиной. Таможенник доволен — золото, дорогие духи, за них придется заплатить! Жак-Анри читает его мысли, как свои собственные. «В то время как Франция экономит каждый су и платит бошам такие репарации, находятся некоторые...»

Кроме рубашек, галстуков и злополучной коробки, в чемодане только носки и белье. Все от хороших поставщиков. К самому чемодану таможенник интереса не проявляет, злорадно

ждет, пока Жак-Анри отсчитывает кредитки. На лице его написано: «Дорого же обойдется тебе, дружок, подарок для твоей курочки!»

А у Жака-Анри спина мокра от пота.

До самой Женевы он сидит, полуприкрыв глаза, и слушает свое сердце. Оно, как видно, начинает сдавать, да и мудрено ли: сначала Испания, потом концлагерь, и вот почти три года в Париже...

В Женеве дождь. На ступеньках вокзала Корнавен Жак-Анри поднимает воротник пиджака и медленно оглядывается. Спешить некуда. По мосту через Рону он идет к Старому городу, ощущая за спиной пустоту. Женева не Париж, новый Вавилон, кипящий страстями. Париж и при немцах сохранил себя: ровно в полдень мидинетки разбегаются по кафе, пестрые и щебечущие колибри. Под зонтиками уличных бистро тянут из длинных бокалов разбавленный водой — дань войне! — вяжущий нёбо оранжад и договариваются о встрече с поклонниками. Тротуары становятся тесными, и к запаху асфальта примешивается крепкий аромат кремов и дешевой пудры.

Женева в полдень пуста. Жак-Анри бредет через мост и слышит стук своих каблуков. В туалетной комнате на вокзале он избавился от жилета, уложил его в чемодан и теперь чувствует себя, как никогда, легко. В камере хранения ему выдали взамен чемодана квитанцию на имя Лео Шредера, и он уплатил за неделю вперед.

Он идет и отдыхает — в первый раз за много месяцев...

...Ровно в три Жак-Анри сидит в кафе и ждет заказанный бульон с бриошами. Кафе не кажется процветающим — маленькая стойка, полдюжины столиков с бумажными скатертями. В таких по вечерам любят собираться шахматисты. Жак-Анри, будь его воля, предпочел бы ресторан «Вехтер» на Вокзальной площади в Берне, где столики укрыты в глубоких нишах и где кухня, пожалуй, одна из лучших в Швейцарии. В прошлом году его встречали именно там, но сейчас у него нет времени на поездку в Берн. Жаль: в «Вехтере» такие изумительные сыры, что даже Жюль вспоминает их с удовольствием.

Роз, как всегда, точна. Жак-Анри целует ее в щеку и предлагает, точно они виделись утром:

— Кофе? Или чай со сливками?

У Роз на щеках ямочки. Волосы падают на лоб, и она то и дело поправляет их тонкой рукой. Лак на ногтях у нее ярок, как кровь,— под цвет губ.

— Ты давно ждешь?

— Не очень... Так как же — кофе или чай?

— Ни то, ни другое. Я договорилась с Мадленой. Ты меня проводишь?

— Разумеется.

Жак-Анри оставляет на столе монету и делает это не без сожаления: он не так богат, чтобы платить за несъеденный бульон с бриошами. Кроме того, он по-настоящему голоден, но Роз, похоже, действительно спешит. Они выходят, прижавшись друг к другу, и рука Роз лежит на сгибе его руки.

На улице Роз шепчет:

— Почему вы?!

— Так случилось.

— Но нам сообщили...

— Какая разница?

Роз не полагается знать, что Жак-Анри приехал не только из-за денег. Для всех них спокойнее, если каждому известно как можно меньше, помимо того, что входит в круг прямых обязанностей. Не Жак-Анри ввел это правило, и, конечно же, не он будет его отменять! Он даже говорит с ней по-немецки — на родном языке коммерсанта Лео Шредера, уроженца Гамбурга, торговая фирма «Лео Шредер и Карл Баумгольц»... По дороге он поддразнивает Роз:

— Вам не скучно одной?

— Вы о чем?

— Не кокетничайте, Роз!

Не поворачиваясь, искоса он ловит взглядом выражение ее лица и с удивлением замечает, что она краснеет. Вот как! Уж не появился ли у Роз приятель? А что, собственно, в этом странного: девятнадцать лет и недурна собой.

Роз уже оправилась и болтает как ни в чем не бывало. Война докатилась и до Женевы: выросли цены на жиры, и исчезла хорошая парфюмерия. В Швейцарии полно беженцев — ухитряются добраться сюда даже из Брюсселя и Копенгагена. На днях она познакомилась с одной семьей из Бельгии... Жака-Анри подмывает сказать, что на месте Роз он не стал бы вступать с беженцами в контакт, но Лео Шредер не вправе делать предостережения малознакомым девушкам. И уж совсем странно было бы, если б он вдруг вздумал выложить все, что знает относительно того, какие последствия могут иметь знакомства с политическими эмигрантами. В качестве коммерсанта, доставляющего для «Геомонда» валюту, он, разумеется, должен быть осведомлен об уловках криминальной полиции разных стран, но вовсе не о методах разведок и контрразведок. О том, что среди беженцев полным-полно агентов гестапо, абвера, итальянской «ОВРА» и даже Второго отдела Венгерского генштаба, пусть думают те, кого это касается!

Жак-Анри вспоминает о Лилле и с тревогой смотрит на Роз: до чего же она молода! Не дай бог, если и с ней что-нибудь случится!

С этой мыслью он и переступает порог дома на рю Лозанн. Об этом же думает и входя в кабинет Ширвиндта.

Ширвиндт изумлен не меньше Роз, и Жак-Анри торопится успокоить его:

— Все в порядке, Вальтер, просто я решил немного отдохнуть.

— А я уже...

— Да нет, если не считать Лилля, все более или менее благополучно. Даже почки у Жюля.

— Привез?

— Не так уж много. Постарайся растянуть деньги хотя бы на три месяца. Получишь после моего отъезда на вокзале. Кстати, там духи — можешь подарить их Роз.

— Какие духи?

— Для таможни. Контролер прицепился к ним, а не к чемодану.

— Ты просто сумасшедший — поехал сам!

— Какая разница кто? Риск от этого не делается меньше... И давай не тратить времени. Я еду ночным, так что у нас всего несколько часов. Попроси, чтобы Роз сварила кофе, а пока расскажи мне о Камбо. Кто он?

Ширвиндт тяжело оседает в кресле. Рассеянно вертит в пальцах карандаш. Роз, возникшая в кабинете, как тень, ставит на стол кофейник и чашки и уходит, постукивая высокими каблучками. Роз для Ширвиндта — то же, что Жюль для Жака-Анри: нечто большее, чем секретарь. Она друг, первый помощник, поверенный в делах и домоправитель. Словом, настоящий товарищ, которому не надо напоминать о его обязанностях. Жак-Анри и без просьбы получил бы свой кофе...

Ширвиндт наполняет чашки и в упор смотрит на Жака-Анри.

— А если я отвечу, что не знаю, кто такой Камбо?

— Ты шутишь?

— Официально он свободный журналист. Сотрудничает в местной прессе. По паспорту немец и живет здесь около года.

— С кем он связан?

— Спроси его сам!

— А ты?

— Он ответил мне, что если я хочу и впредь получать материалы, то не должен настаивать и копаться в его прошлом. Кстати, он сам себе придумал псевдоним, и знаешь, что он означает? Ка-м-бо, по начальным буквам — канцелярия Мартина Бормана! И вот что: не поручусь, что он не оттуда черпает информацию.

— Но это невероятно!

— Почему же? Ты что, не допускаешь и мысли об оппозиции Гитлеру?

— Только не в этом месте!

— Но информация Камбо точна.

— Пока да... Ты не задумывался о ловушке? Представь: до какого-то момента мы получаем первоклассные сведения, а потом... В один прекрасный день Камбо подсовывает нам нечто такое важное и срочное, что на проверку нет ни часа. И тогда катастрофа.

Ширвиндт отставляет нетронутую чашку. Край крахмальной манжеты с костяным стуком задевает блюдечко. Серебряная ложечка кажется спичкой в крупных, сильных пальцах. Рука Ширвиндта — рука рабочего, сына и внука рабочих, и ни костюм, ни манеры не подходят к ней. Ширвиндт знает это и при посторонних не снимает тесных черных перчаток.

— Понимаешь,— говорит он спокойно.— Я и сам думал об этом. И я рад, что ты здесь.

— Только до ночи.

— Я бы хотел, чтобы ты задержался!..

— Из-за Камбо?

— Не только.

— Тогда из-за Роз?.. У нее появился друг, не так ли? Ты это хотел сказать? И еще ты хотел спросить, откуда мне это известно? Ах, Вальтер, все так просто: посмотри на Роз и увидишь сам.

— Ее друг — бельгиец. Инженер из Брюсселя.

— Вот как? Они часто видятся?

— По-моему, каждый день.

— Любовь?

— Ты мог бы не спрашивать.

— Да, конечно... Он бывает у нее дома?

— Пока нет.

Голос Жака-Анри звучит жестко, куда жестче, чем ему бы хотелось:

— Он не должен там бывать!

— А ты не хотел бы взглянуть на парня?

— Пожалуй...

— Это нетрудно устроить. Я скажу Роз, чтобы она привела его на площадь, и ты посмотришь на него из кафе. Роз говорит, что он жил и в Париже.

— Это можно проверить.

— Так остаешься?

Дождь за окном продолжает моросить. Глаза у Жака-Анри слипаются. Он не спал уже больше суток... Голос Ширвиндта доносится до него, словно с другого полушария. Роз, Камбо, беженец из Бельгии... И еще провал в Лилле... Слишком много всего для одного человека. Пять с половиной лет жизни, включая Испанию. Три чужих языка вместо одного родного и имена, нисколько не напоминающие полученное от матери и отца. Альварец, Педро де Эстебано, Марель, Де-Лонг, Лео Шредер и, наконец, Жак-Анри Легран... Вот кончится война, и тогда...

— Что ты решил?

— Хорошо. Скажи Роз, что завтра в девять утра. Вечером слишком плохо видно. А сейчас, извини, я пойду в отель. Дай знать Жюлю, что я задержусь в Женеве. У тебя найдется чемодан?

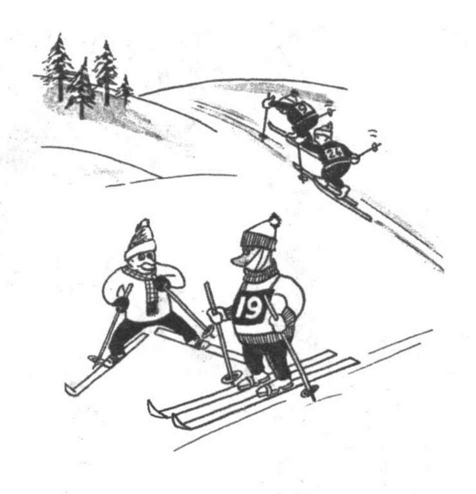
— Разумеется. И пижама тоже.

— Тем лучше. Тогда до утра...

Дождь все кропит и кропит на брусчатку. Жака-Анри пронизывает простудная дрожь. На ходу он достает облатку аспирина и, морщась от отвращения, проглатывает ее. Вот будет славно, если он заболеет! Денег в кармане ровно столько, чтобы прожить в Женеве сутки; на валюту, привезенную Ширвиндту, не приходится рассчитывать: она вся до сантима нужна для дела.

С озера дует не по-летнему холодный и резкий ветер...

Продолжение следует.

Владимир ШУРУПОВ

ЧЕЛОВЕК И УТРО

СПОРТИВНАЯ ДУША

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Ну вот, добился я своего! Тренера уже обгоняю. Если он только, конечно, лыжи не наденет. Я доволен, и ему лестно, что у него ученик способный такой. Он так мне прямо и сказал:

— Вижу,— говорит,— времени вы даром не теряли. Не зря я вас уважил и в секцию записал. Теперь и вы должны коллективу навстречу пойти.

— Конечно,— отвечаю,— пойду с удовольствием. Только направление укажите.

— А направление такое. Тут у нас должны областные детские соревнования проходить на приз «Золотая лыжа». А у меня как раз нет подходящих детей, которым бы я честь клуба мог доверить. Опасаюсь я на ребятишек такую ответственность возлагать. Решил вас выдвинуть на эти соревнования.

Тут я удивился, конечно.

— То есть как это? — спрашиваю.— Что же, я, по-вашему, на ребенка похож?

— Это ничего.— Тренер меня успокаивает.— Мы вас переоденем, галстук пионерский повяжем и справку дадим, что вы ученик пятого класса Вова Александров.

— Так меня же узнают сразу!

— Не узнают. Мы вас побреем. Да вы не бойтесь, там и постарше вас школьники будут, никто особенно придираться не станет.

В общем, нарядили меня школьником, лицо бинтом обмотали, будто зубы болят. Тренер мне и шепчет:

— Вы должны эстафету принять от Саши Баранова. Запомнили? Как увидите, что к вам лыжники подбегают, так сразу и спросите: кто, мол, тут будет Саша Баранов? Запомнили?

...Ну, начались соревнования. Я стою и жду, когда этот самый Баранов покажется. Долго стою, уже мерзнуть начал. Хорошо еще встретил приятеля своего старого по работе, Болдырева, вахтера. Он года за три до меня на пенсию вышел. Увидали друг друга, обрадовались. Стоим, время коротаем. Поговорили о том о сем, уж все участники мимо пробежали, а моего Баранова нет и нет.

— Ну и ну,— я Болдыреву говорю,— нашли кому такое дело поручить. Что-то этот Саша Баранов ползет, как улитка.

Болдырев, ясное дело, удивляется.

— А ты откуда,— спрашивает,— про Сашу знаешь?

— Как же откуда, когда от него эстафету принять должен...

— Чего-то ты путаешь,— Болдырев головой качает,— эстафету от него должен Вова Александров принимать.

— Так я же и есть,— кричу,— Вова Александров!

Рассердился тут Болдырев:

— Чего ж ты раньше молчал?! Ведь Саша Баранов — это я буду!

* * *

...Ну, стал искать я тренера, который бы в плавании толк знал. Гляжу, как раз один такой по берегу бегает со свистком и с секундомером. А в воде, значит, ученики его тренируются, как рекорды ставить. Подхожу я к нему: так, мол, и так, хочу под вашим руководством мастерство повышать.

Взглянул он на меня так удивленно, что чуть свисток не проглотил.

— Вы,— спрашивает,— что же, хотите мировые рекорды побить или с вас достаточно будет европейских?

— Да нет,— говорю,— на мировые я, пожалуй, не потяну, а вот мне бы так научиться, чтоб ко дну хотя бы не сразу идти, а постепенно.

— А это,— отвечает,— меня не касается. С бесперспективными гражданами мне некогда время терять. С меня требуют план, чтоб столько-то человек разрядами охватить, а вас, папаша, уже ничем не охватишь, и за вас с меня не спросят. И больше скажу: ни один тренер в нашем городе за вас не возьмется, потому как вы все показатели будете вниз тянуть и в процентном отношении выполнение плана по разрядникам очень ухудшите.

Разозлился я тут крепко. «Ах ты,— думаю,— процентная твоя душа!»

И полез я в воду самостоятельно. Чуть от берега отошел и начал тонуть. Глядь, хватает меня кто-то и в лодку спасательную втаскивает. Привозят на берег меня эти спасатели, укладывают на песочек со всеми удобствами, делают со мной зарядку специальную и на все четыре стороны отпускают, а у себя в блокноте галочку ставят.

«Ну вот,— думаю,— уже сколько-то проплыл. Для начала хорошо. Завтра подольше попробую».

Назавтра прихожу и снова плавать начинаю. Уже лучше немножко получается. Минуты две продержался до того, как тонуть начал. Тут и спасатели подоспели.

На третий день еще лучше получилось. Уже тонуть я стал не возле самого берега, а чуток отступя. Опять вытащили, хорошие такие спасатели попались, душевные.

В общем, к концу недели я совсем уже было плавать выучился. В воскресенье прихожу на пляж, переодеваюсь. «Ну,— думаю,— еще пару дней — и тогда тонуть незачем будет». Только хотел я в воду полезть, вдруг подходит ко мне знакомый спасатель.

— Все,— говорит,— папаша. Больше я вам тут плавать не советую. Спасать вас теперь некому будет.

— Как так? — спрашиваю...— А вы?

— А мы,— отвечает,— свой план по спасанию уже выполнили на все лето. И все из-за вас. Так что теперь станция наша закрывается, поскольку нужных цифр мы уже достигли, и для отчетности этого вполне достаточно.

* * *

Продолжаю изучать футбол. Посоветовал мне один знающий человек к администратору футбольной команды обратиться.

— У меня,— говорит,— один знакомый всю жизнь на этой должности работает, так я вам записочку к нему напишу. Он вам все, как положено, растолкует.

Ну, пошел я к администратору. В гостинице его разыскал. Он там приезжую команду из соседнего города устраивал, которая назавтра с его командой должна была играть. И уж чего я вокруг этого администратора не насмотрелся!

Первым делом запихнул он приезжих футболистов куда-то под лестницу. Дескать, свободных мест в гостинице нету, но для дорогих гостей мы в виде исключения кладовую выхлопотали. Так что располагайтесь, мол, родимые, как дома! Ну, гости с дороги устали, к вечеру спать ложатся. А уснуть не могут, потому как из-за стены всю ночь шум какой-то раздается, топот, аплодисменты, словно бы ансамбль песни и пляски там гастроли дает. А это тот самый администратор шум трибун во время игры на пленку записал и знай себе теперь накручивает. Гости, конечно, недовольны: что, мол, за аплодисменты по ночам?

Ну, ладно. Утро наступает, просят гости поле для тренировки. Им, конечно, не отказывают. Пожалуйста, говорят. Только сейчас на этом поле группа здоровья вес сбрасывает. Как, значит, все сбросит, так милости просим...

— Это,— говорят гости,— сколько ждать-то? Тогда уж и темно будет.

— Ничего,— администратор им отвечает.— Мы вам фонарик дадим. Для дорогих гостей нам ничего не жалко...

Ну, гости туда-сюда... Те, что половчее, на стадион украдкой пролезть пытаются. Другие прямо на мостовой тренировку начинают. Третьи вечера ждут, чтоб хоть с фонариком по полю побегать.

Потренируются они эдак, устанут и хотят душ принять. Им натурально объясняют, что душ, мол, к сожалению, сегодня не работает, потому как истопник в концерте самодеятельности на скрипке играет.

С утра пропадает автобус, в котором на игру ехать. Приходится им полуодетыми на стадион рысцой трусить.

Ну, а там, на поле, их уже хозяева дожидаются, руки жмут, улыбаются, цветы преподносят...

Н. ЕЛИН, В. КАШАЕВ

* * *

А кто-то по ночам сидит в дому,
не зная рек с белеющей осокой,
где каждый шаг идущего во тьму
есть поиск истины земной, высокой.

А ты следил, как расстилался дым
по жадной, важной от дождя низине,—
пожаром, влажным, голубым и синим,
трава горела острая под ним.

Ты видел день, коснувшийся земли,
лицо подставил первым брызгам солнца,
ты видел, как торжественно и сонно
косяк свой разгоняли журавли.

Ты бросил тело с плеском в воду, вплавь
от берега и к берегу желаний,
поверив снова сказкам, предсказаньям,
открыв здесь убедительную явь.

ЧИСТОТА

Такое солнце, что горят
глаза над снегом раскаленным.
И в отдаленье, строясь в ряд,
бредут обугленные клены.

Снег, смилуйся и не карай!
Сквозь щелки век к тебе прильну я
и буду принят в этот рай
и в эту чистоту хмельную.

Как ты жестока, чистота,
и как безжалостна к побегам:
все до последнего листа
сожгла неумолимым снегом.

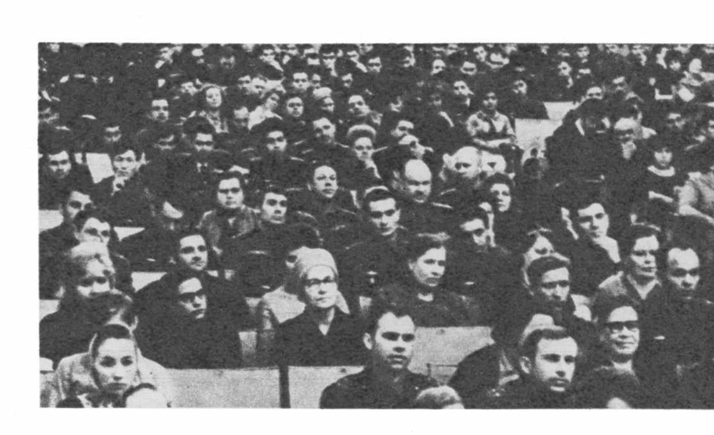
Жги, чистота! Огнем карай,
что предназначено к сожженью,
но сохрани мне этот край
и кленов тихое движенье.

* * *

От спокойных лип и тополей,
от лугов, что за рекой — низами,
от картошки, что пекли в золе
пацаны с курносыми носами,

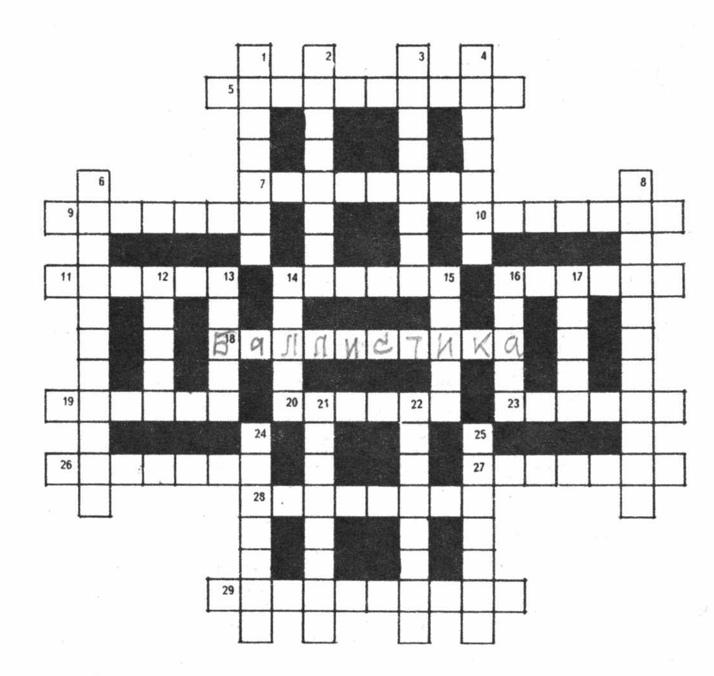
от тепла парного молока,
от тропинок, перевитых хмелем,
унесла меня Москва-река
в город свой через леса и мели.

А сегодня, память вороша,
возвращают мне приметы лета
деревенские густые сторожа —
липы Ленинградского проспекта.

21 апреля в Доме офицеров Академии имени профессора Н. Е. Жуковского состоялась встреча редакции с читателями журнала «Огонек». О творческих планах «Огонька» в свете решений XXIV съезда КПСС рассказал зам. главного редактора И. Ф. Стаднюк.

Во встрече приняли участие работники журнала И. В. Долгополов, Д. Н. Бальтерманц, В. В. Павлов, К. Н. Бакши, Ю. Н. Сбитнев, Л. Г. Мурашова, А. И. Гостев, а также гроссмейстер С. М. Флор, поэты В. П. Котов, Д. М. Ковалев, А. И. Каныкин.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский поэт. 7. Роман В. Скотта. 9. Грузинский щипковый инструмент. 10. Амфитеатр в Риме. 11. Прибор для определения направления и скорости ветра. 14. Трагедия Шекспира. 16. Озеро в Карельской АССР. 18. Наука о движении артиллерийских снарядов. 19. Рассказ А. П. Чехова. 20. Быстрый, виртуозный пассаж в пении. 23. Сосуд для хранения продуктов в постоянной температуре. 26. Форменный головной убор. 27. Минерал синего цвета. 28. Сорт сливы. 29. Выразительное чтение.

По вертикали: 1. Русский певец. 2. Импровизированная музыкальная пьеса. 3. Растение семейства бобовых. 4. Местное наречие, говор. 6. Умение писать красиво и разборчиво. 8. Советский писатель. 12. Шлюпка с низким бортом. 13. Столица Марокко. 14. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 15. Масло, применяемое для производства красок, лаков. 16. Момент запуска ракеты. 17. Река в Африке. 21. Спутник планеты Уран. 22. Автономная советская республика. 24. Художественно-публицистическое обличительное произведение. 25. Советский авиаконструктор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 7. Никитин. 8. «Осколки». 9. Олово. 10. Осень. 11. Титул. 12. Озон. 14. Яхта. 16. Мальта. 17. Октант. 18. Рубин. 19. Скачки. 22. Импорт. 25. Руан. 27. Сага. 28. Онега. 29. Трике. 30. Тунец. 31. Титовка. 32. Крекинг.

По вертикали: 1. Гипотеза. 2. Никополь. 3. Унисон. 4. Молния. 5. Контраст. 6. Скотинин. 13. Окарина. 15. Хроника. 20. «Коппелия». 21. Черкасов. 23. Пластика. 24. Резонанс. 26. Нарвал. 27. Сикоку.

На первой странице обложки: Фото Дм. Бальтерманца, стихи С. Васильева.

На последней странице обложки: Рисунки на асфальте.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

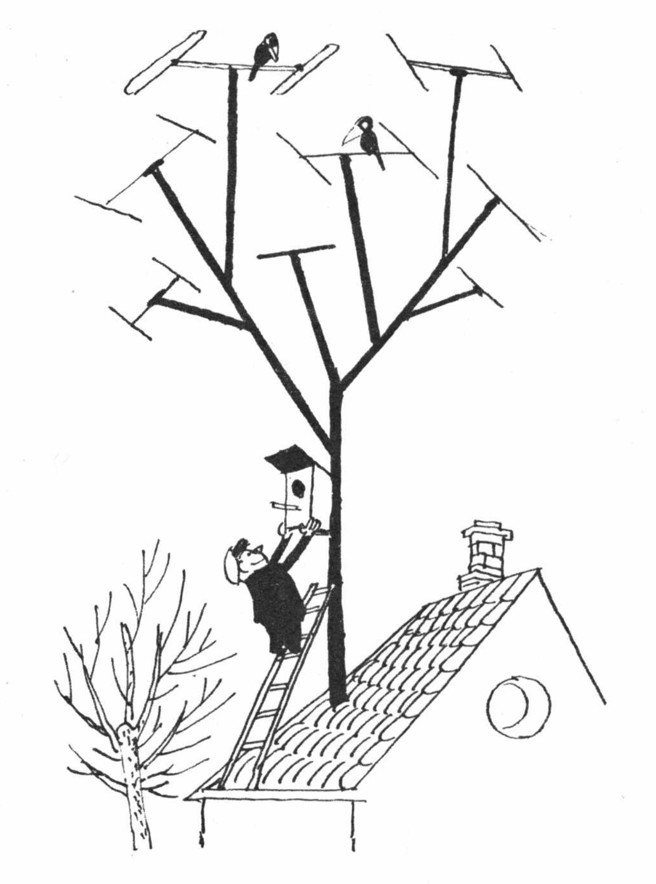
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/IV-71 г. А 00539. Подп. к печ. 27/IV-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 656. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1066

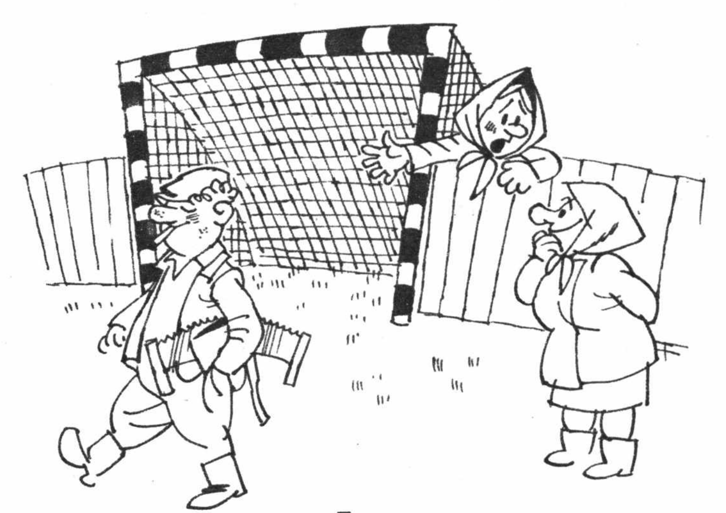
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В век телевидения.

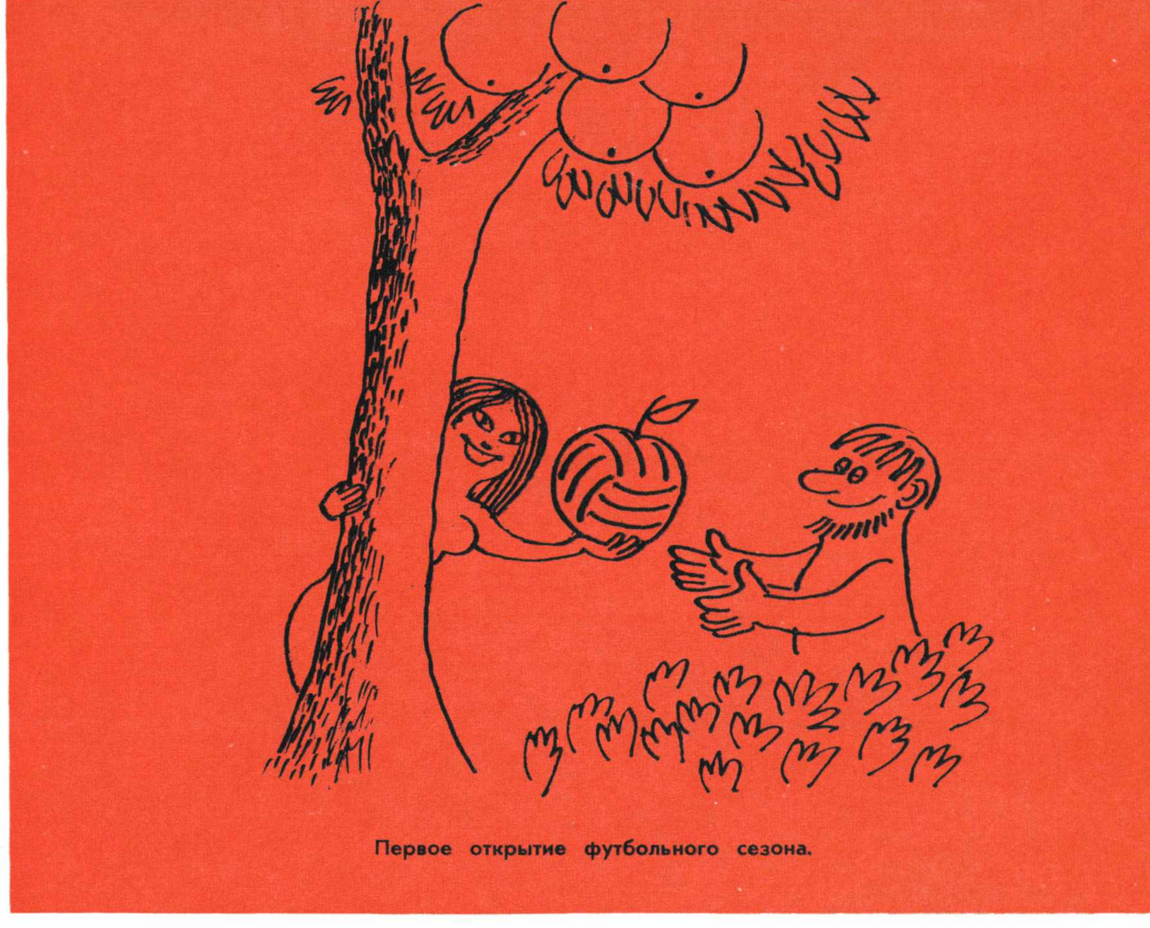
— Видишь, у меня тоже «Жигули»...

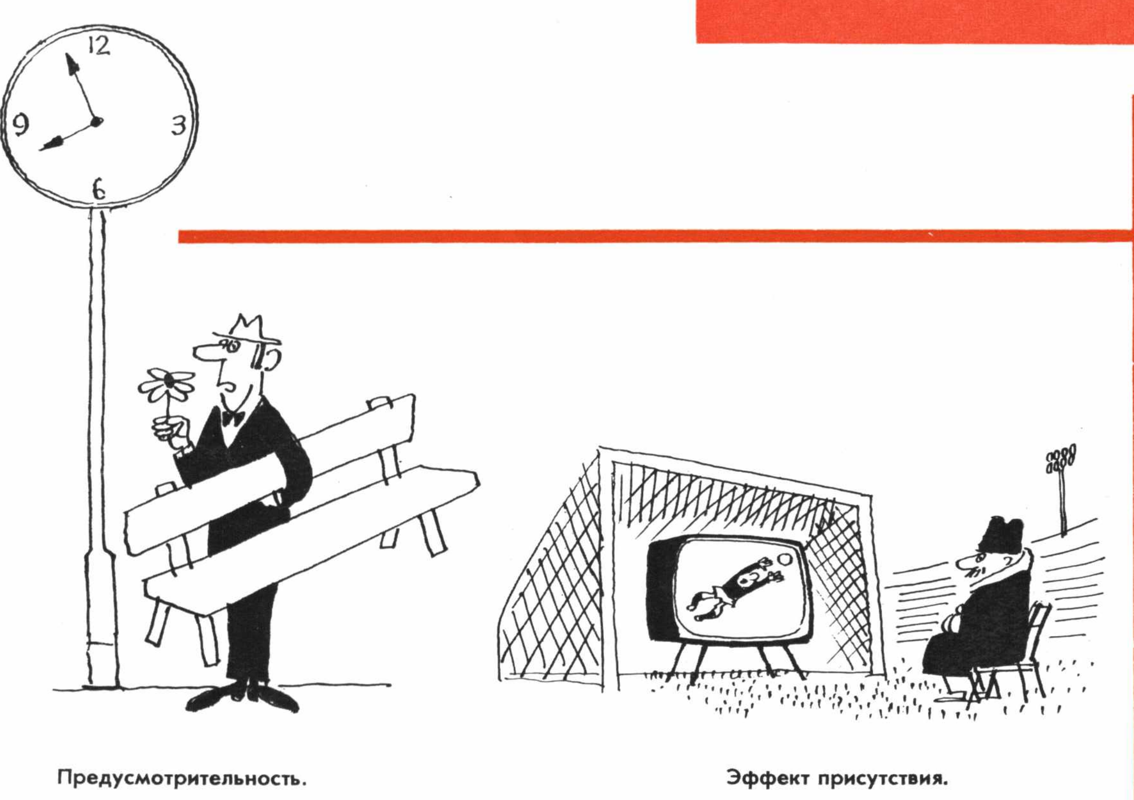
— Попросила его поставить новые ворота, а у него один футбол в голове.

— Наконец-то в наш магазин забросили хоть один мяч...

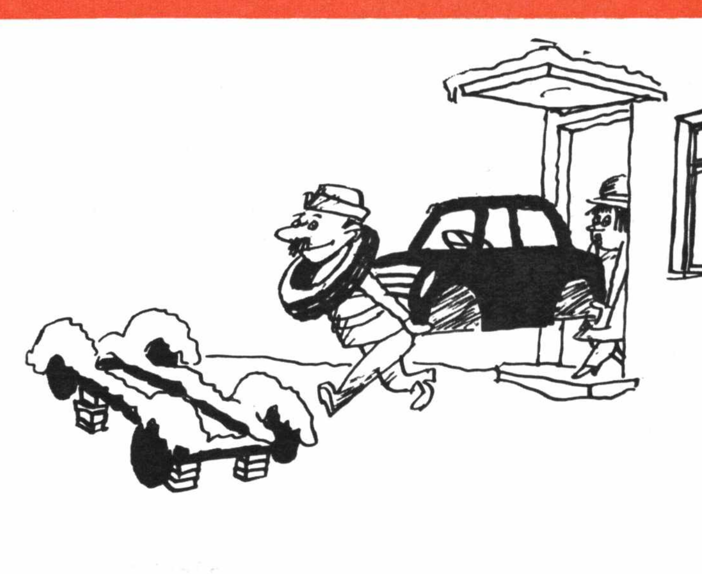

Первое открытие футбольного сезона.

Предусмотрительность.

Эффект присутствия.

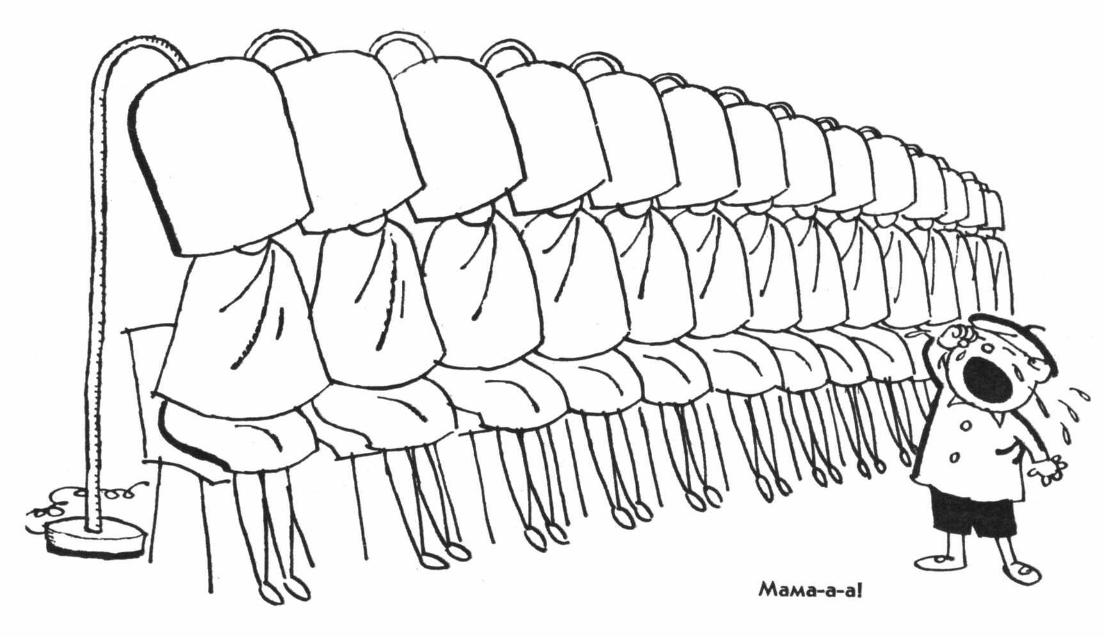

Автолюбитель встает на колеса.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Рисунки Б. БОССАРТА.

— Предъявите охотничье удостоверение.

Мама-а-а!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.